

913 (с-м)
М-82

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 1 (9)

МОСКВА—1929

913 (с-м)

М-82

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 1 (9)

МОСКВА

МОСКВА

1929

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С. 1765
Изм. № 1765

Ответственный редактор
Б. Б. Веселовский.

Редакционно-Издательская Коллегия О-ва: Председатель—*И. Г. Клабуновский*. Члены коллегии—*А. П. Левицкий, П. Н. Миллер и С. В. Шольц*.
Секретарь—*Н. А. Дорогутин*.

Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника М. О. Г. Э. С.

8-го августа 1928 года, Правление Московского Объединения Государственных электрических станций доставило в Государственный Исторический Музей три каменных орудия, найденных в нижнем слое торфа рабочим-десятником крестьянином Пензенской губернии Н. С. Полковниковым на участке „Кулиги“¹⁾. Для научного обследования условий находки орудий, Исторический Музей командировал двух лиц из своего состава: 1) заведующего Археологическим отделом—автора настоящей заметки и 2) сотрудницу отдела М. Е. Фосс, которые и выполнили предварительную часть порученной им работы 14-го августа текущего года.

Участок „Кулиги“ находится в северо-западном углу торфяного болота Г.Э.С. имени инж. Классона, в 24-х километрах к северу от Павлово-Посада, Богородского уезда, Московской губернии. Орудия найдены 23 июля 1928 г., на 33-м пикете, в 225 метрах к юго-западу от озера Черного, в 150 метрах от суходола, составляющего западный берег торфяника „Кулиги“, и в 150 шагах к югу от железнодорожного пути, проложенного для эксплуатации торфяника. Находка орудий сделана в тот момент, когда рабочие вынимали последний (самый нижний) пласт торфа. Орудия залегают почти рядом друг с другом. Ниже приводимое подробное описание разрезов торфяного ботанического состава, иллюстрирующее геологические и палеонтологические условия залегания орудий, нам очень любезно сообщено инженерами Химической лаборатории Центральной Торфяной Станции, за что мы и выражаем им глубокую благодарность.

Разрез и состав торфа пикета № 33, на котором сделана находка орудий.

1. Пушицево-сфагновый торф, содержащий пушицы 40, сфагнома 50 и сосны 10 процентов; залегают на глубине от 0 до 0,25 метра.

2. Пушицево-сфагновый торф, содержащий пушицы 40 и сфагнома 55 процентов; залегают на глубине от 0,25 до 0,50 м.

3. Шейхцериено-пушицевый торф, содержащий шейхцерию 20, пушицы 65 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 0,50 до 0,75 м.

4. Древесно-пушицевый торф, содержащий сосны 20, пушицы 70 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 0,75 до 1,00 м.

5. Пушицево-древесный торф, содержащий пушицы 25, сосны и березы 55, травы 10 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 1,00 до 1,25 м.

6. Древесно-осоковый торф, содержащий березы и сосны 30 и осоки 65 процентов; залегают на глубине от 1,25 до 1,50 м.

¹⁾ Сопроводительный документ МОГЭС от 18 августа 1928 г. хранится в делах Секретариата Государственного Исторического Музея.

7. Древесно-осоковый торф, содержащий березы и сосны 30, осоки 50 и травы 10 процентов; залегает на глубине от 1,50 до 1,75 м.

8. Древесно-осоковый торф, содержащий древесины 25, осоки 50, травы 25 процентов; залегает на глубине от 1,75 до 2,00 м. В этом слое были найдены три каменных орудия.

9. Сапрпель ¹⁾ — на глубине от 2,00 до 2,50 м.

Из приведенного разреза видно, что большинство слоев торфа сопровождается остатками дерева, именно: березы и сосны. При осмотре разреза на месте, мы видели, что эти древесные остатки представлены множеством толстых пней, оставшихся от деревьев, в большинстве случаев погибших на корню, и древесины, в которой определение древесных видов становится затруднительно.

Разрезы соседних пикетов (№№ 34 и 30) дают почти аналогичные наслоения. Интересное исключение дает пикет № 30, в котором на глубине от 1,50 до 2,00 м., содержится осоки 15 и гипнума 80 процентов, что как бы указывает на его более древнее отложение. Чтобы понять значение этого и других описанных в разрезах явлений, необходимо ввести их в связь с установленной нормальной схемой отложения торфа в Средней России. Такую схему дают проф. Вл. С. Доктуровский ²⁾ и проф. В. Н. Сукачев ³⁾ в следующем виде: 1) молодой сфагновый торф, 2) пограничный горизонт (слой с мощными пнями сосны и с пушицею), 3) старый сфагновый торф, 4) гипновый, иногда осоково-тростниковый торф, и т. д.

Сравнивая с приведенной схемой разрезы торфа участка „Кулиги“, можно прийти к заключению, что три верхних слоя последнего (от 0, до 0,75 м.) относятся к горизонту молодого сфагнового торфа; следующие пять слоев (от 0,75 до 2,00 м) относятся к пограничному горизонту, а нижний слой разреза пикета № 30 — к горизонту гипново-осокового торфа нормальной схемы проф. Доктуровского и Сукачева.

Каменные орудия участка „Кулиги“ найдены в основании пограничного горизонта. Шведские археологи и торфоведа, основываясь на археологических находках их страны, пришли к выводу, что времени отложения молодого сфагнового торфа соответствует время памятников культурной деятельности человека неометаллической (железной) эпохи; времени отложения торфа пограничного горизонта соответствует время памятников палеометаллической (бронзовой) эпохи (вероятно самого конца ее); и, наконец, времени гипново-осокового торфа соответствуют еще более ранние памятники, относимые шведами, по местной классификации, к неолитической эпохе, а по нашей интернациональной археологической классификации, относящиеся к поздней, а может быть и к концу ранней поры палеометаллической эпохи.

На основании такой параллелизации археологической и торфянологической классификационных схем следует заключить, что каменные орудия участка „Кулиги“ должны относиться к бронзовой эпохе шведской классификации, созданной Оскаром Монтелиусом, полагавшим, что в Швеции бронзовая эпоха соответствовала времени от 1600 до 800 лет ранее христ. эры. В нашей классификации эти годы соответ-

¹⁾ Сапрпелью называется весьма сложное образование, в основе содержащее водные организмы, так называемого микропланктона. Подробное его исследование следовано Потонье. См. Вл. С. Доктуровского: „Болота и торфяники“. М. 1922 г., стр. 116 и 117.

²⁾ В. С. Доктуровский: „Болота и торфяники“ М. 1922 г., стр. 202.

³⁾ В. Н. Сукачев: „О пограничном горизонте торфяников“. Почвоведение, 1914 г., вып. 1 и 2. Разрез Шуваловского торфяника, представляющий очень типичным.

ствуют концу поздней поры палеометаллической эпохи, оканчивающейся около 1500 года до христ. эры, и первой половины ранней поры неометаллической эпохи, соответствующей времени от 1500 до начала христ. эры. Так как описываемые орудия залегали в основе пограничного горизонта торфа, то время их должно совпадать или с концом палеометаллической или началом неометаллической эпохи; т.-е., приблизительно, около 1500 года до христ. эры. Этому времени, как мы увидим ниже, не противоречат и типы найденных каменных орудий.

Шведские ученые, в особенности Сернандер, выяснили, что времени образования горизонта молодого сфагнового торфа соответствовал холодный и влажный климат, а времени образования пограничного горизонта торфа—теплый и сухой климат. Если так обстояло дело и в Средней России, то следует допустить, что жизнь людей, оставивших нам каменные

орудия в Павлово-Посадском торфянике, протекала при лучших климатических условиях, чем современные. Что касается культурного состояния людей того времени, то о нем дают некоторое понятие найденные орудия труда. Все они сделаны из камня, а это уже указывает на сравнительно низкое культурное состояние владельцев их. За пятнадцать веков до христ. эры культуры Египта, Месопотамии, М. Азии и Эгейского архипелага достигали весьма большого развития. Сравнительно с ними все известные культуры Европы стояли гораздо ниже.

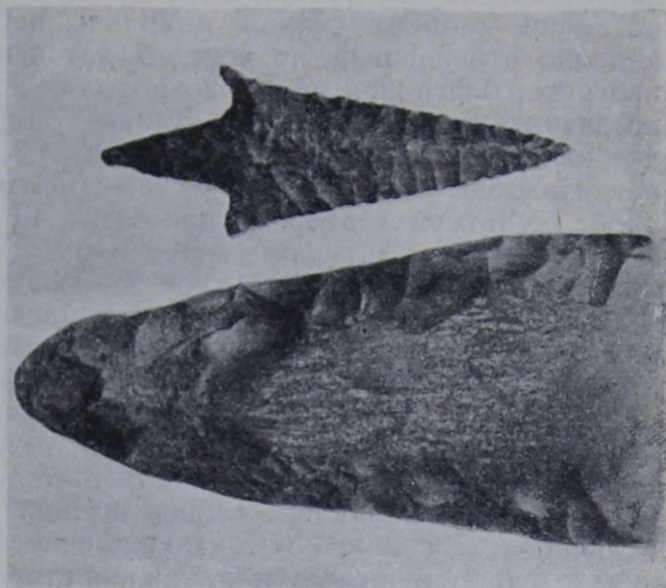

Рис. 1 и 2.

Тем не менее и эти отсталые европейские культуры владели металлическими орудиями и утварью. Имелись ли подобные орудия и утварь у изучаемых обитателей Павлово-Посадского торфяника, сказать еще затруднительно, хотя с наибольшею вероятностью можно утверждать, что таковые были и это потому, что ближайшая по времени и пространству Сейминская культура обладала прекрасными и, повидимому, многочисленными бронзовыми орудиями и украшениями, не расставаясь, однако, с отживающими свое время каменными, иногда блестяще обработанными орудиями.

Из павлово-посадских каменных орудий особенно красотою, законченностью и цельностью отличается наконечник стрелы (рис. 1). Он сделан из кремня коричневого цвета с вишнево-красным оттенком. Форма его черешковая, жаловидная. Длина наконечника равна 5,5, ширина 2 и толщина 0,5 см. Наконечник сработан из ножевидной пластинки, верхняя, повидимому, двухгранная, плоскость которой тонко отретуширована на два ската, нижняя плоскость, слегка вогнутая, отретуширована только вдоль краев, что обуславливает трехугольную профиль поперечного разреза стрелы. Ретушировка вы-

полнена отжимником, придавшим краям стрелы пильчатую зубчатость. Черешковые, жаловидные, кремневые стрелы появляются в общечеловеческой культуре рано и кончают свое существование поздно, а поэтому для хронологических определений неудобны. В Средней России такие стрелы известны в культурах поздней поры неолитической эпохи (около 5000 лет до христ. эры). Позже они существуют в течение всего времени палеометаллической эпохи и кончают свое существование в ранней поре неометаллической эпохи, вероятно, около 800—500 лет до христ. эры. Таким образом на нашей территории описываемые стрелы существуют около пяти тысяч лет, вероятно, еще более. Изящная отделка павло-посадского экземпляра указывает на принадлежность к более поздней части времени их существования.

Кремневый топорик имеет грубоватую форму (рис. 2); он сделан из слегка изогнутой, широкой пластинки желтоватого кремня; по краям, с обеих сторон, довольно небрежно отбит отбойником; неполно отшлифован, но хорошо заточен по лезвию. Лезвие слегка изогнуто, благодаря чему оно походит на лезвие желобчатых долот, но значительно прямее их. Длина топорика равна 7,8, ширина по лезвию—3,6, по обуху—1,5, толщина—1,3 см. Обух вверху подокруглен. Подобные топорики известны в Фатьяновской и Нижнеднепровской культурах второй половины III тысячелетия христ. эры, а также и в культурах ранней поры неометаллической эпохи, например, в Галической культуре X—VIII века до христ. эры.

Третьим предметом павлово-посадской находки является каменная кирка (рис. 3), сделанная, как показало предварительное исследование (без шлифа), выполненное для нас ассистентом при кафедре Минералогии 1-го М.Г.У., И. Д. Позиловым, из песчаника или кварцита черного цвета с красноватым оттенком. Основные выходы этой кристаллической породы известны только на севере в Олонецкой губернии и Финляндии. Кирка не цела, длинный конец ее отбит в древности, а короткий также в древности притуплен. Верхняя (лобная) сторона кирки выпукла, нижняя сторона, обращенная к рукоятке, гладка; бока первоначально также были гладки, но потом, (вероятно после слома длинного конца) получили продольные, слегка вогнутые желобки, указывающие, что испорченной киркой пользовались как брусом для натачивания желобчатых каменных орудий (долот). Для скрепления с рукояткою кирка снабжена отверстием, просверленным массивным сверлом с двух сторон. Сверлины каждой стороны имели форму опрокинутого усеченного конуса. Центры сверлин немного не совпали. Получившийся дефект исправлен добавочным расверливанием каменным буравом, может быть кремневым пирамидальным нуклеудом. Диаметр сверлины сверху (с лобной стороны) равен 2,9, снизу—3, в середине, где конусовидные углубления сходятся друг с другом, около 2 см. Длина сверлины равна 4,2 см., длина же всей кирки равна 16, ширина—5,6 и толщина—4,2 см.

Кирка, по своей форме, совершенно схожа с северными кирками: олонецкими, финляндскими и др., где они бывают и с сверлинами и без сверлин. Время их довольно позднее: они, вероятнее всего, принадлежат или к концу палеометаллической, или к началу неометаллической эпохи, т.-е., приблизительно, ко времени около XV века до христ. эры.

Заслуживает особенного внимания то, что павлово-посадская каменная кирка, имея северную форму, сделана из северного материала, что как бы указывает на импортацию его из северных стран.

Таким образом, возникает мысль о деловых сношениях населения Средней России с населением далекого севера. Эта интересная мысль возникает здесь не в первый раз: уже несколько лет тому назад нами замечено, что характерный ромбический орнамент, напоминающий вафельный узор, неолитической керамики верхнеокского района ¹⁾ оказывается совершенно схожим с таким же ромбическим орнаментом неолитовидной керамики с берегов озера Лача ²⁾, что среди многочисленных остатков неолитической стоянки, открытых г. М. Бурцевым в г. Белеве, на берегу р. Оки, оказался крупный

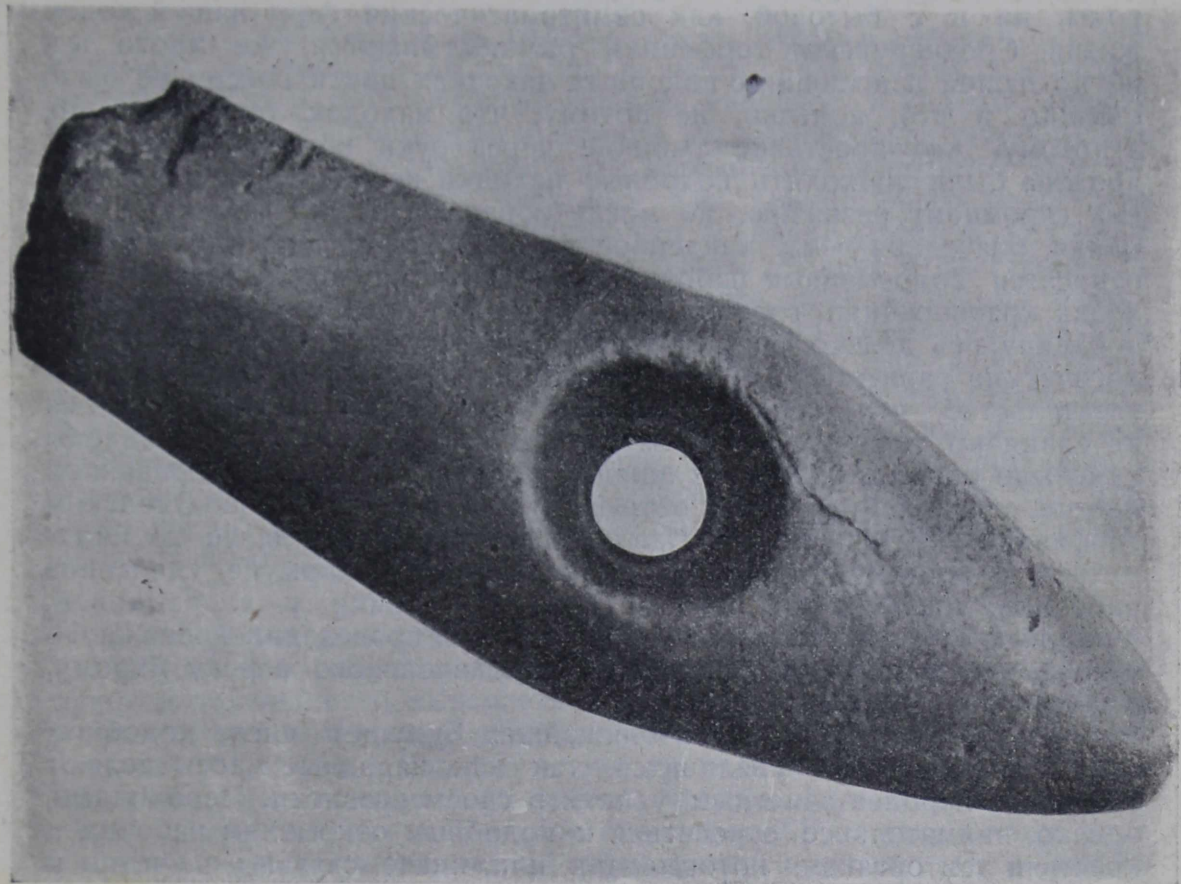

Рис. 3.

предмет с сверлиной на одном конце неизвестного назначения, сделанный почти из целого бивня моржа ³⁾.

Самою близкою к нам областью обитания моржей служит Белое море. Отсюда следует заключить, что уже неолитическое население средней России находилось в деловых сношениях с отдаленнейшими странами севера; а это уже сильно облегчает допуск мысли о существовании таких же сношений и в более позднее время павлово-посадских каменных орудий, когда описываемая каменная кирка и явилась в средней России плодом северного импорта.

¹⁾ Государственный Исторический музей, зала 2: коллекции Н. А. Преображенского и др.

²⁾ Государственный исторический музей, зала запасных коллекций; коллекция т. Маркова.

³⁾ Государственный Исторический музей, зала 2, коллекция т. М. Бурцева.

Из приведенного освещения каменных орудий павлово-посадского торфяника, можно видеть, что орудия эти не относятся к каменному периоду и, может быть, не относятся к палеометаллической эпохе металлического периода: их место, вероятнее всего, в первой трети ранней поры неометаллической эпохи, когда наряду с ними, могли существовать не только медные и бронзовые, но и железные орудия. Это время приблизительно соответствует XV—XI векам до христ. эры.

В заключение нельзя не отметить, что павлово-посадская находка каменных орудий интересна не только с чисто-научной стороны, но и с бытовой, как симптоматический факт нашей новой жизни. Среднерусские торфяники разрабатываются уже много лет, но до нашей революции о подобных находках почти совсем не было слышно и это, конечно, не потому, что находок тогда не было, а потому, что крестьяне-рабочие через руки которых неизбежно должны были проходить подобные находки не обращали и, по своему скромному развитию, не могли обращать на них никакого внимания, благодаря чему найденное вновь терялось навсегда. Не так относятся современные рабочие. Описанная павлово-посадская находка красноречиво говорит, что развитие современного рабочего продвинулось далеко вперед, благодаря чему находимые ими археологические раритеты уже не проходят без внимания и оценки. В доказательство, что павлово-посадское явление, в настоящее время не единично, можно указать на то, что в 1925 г. рабочими найдены каменные орудия, обломки глиняной посуды и какой то деревянной клетки, сделанной из тонких обтесанных палочек в Орехово-Зуевском торфянике, отстоящем от Павлово-Посадского не далее 25 километров к востоку ¹⁾, а в 1926 г. последовало открытие, сделанное рабочими, чрезвычайно богатой древней стоянки у д. Языковой, Кашинского уезда, Тверской губернии, при проведении дренажного канала для спуска части воды озера Савченского в реку Яхрому, с целью осушения луга ²⁾.

Следует полагать, что в ближайшем будущем число подобных открытий еще более увеличится, так как народные массы делают все более и более заметные успехи в своем развитии. Необходимо, однако, внимательнее относиться к подобным открытиям рабочих и крестьян тем органам, которые так или иначе связаны с учетом и охраной памятников старины. В данном случае не бесполезными были бы и соответствующие вознаграждения гражданам, которые, понявши значение памятников, сообщают о них своим более просвещенным руководителям или представляют их в такие учреждения, как музеи.

В. А. Городцов.

В августе 1928 г. по заданию и на средства Гос. Музея Центр.-Пром. Обл. и Гос. Тверского Обл. Музея Б. С. Жидковым были произведены первые раскопки Языковской стоянки, давшие чрезвычайно большой материал, характеризующий три культурных комплекса.

Прим. ред.

¹⁾ Часть вещей хранится в Государственном Историческом музее.

²⁾ Коллекция из Языковой стоянки хранится в Тверском и Кашинском музеях, а также и у проф. В. С. Доктуровского, в Москве. В состав коллекций входит много каменных и костяных орудий, обломки глиняных сосудов и кости диких животных.

Гжельский керамический район.

Впечатления и выводы.

Хотя с именем Гжели связано очень много в истории русской керамики, все-таки мы до сих пор не имеем сколько-нибудь исчерпывающих работ в этой области. Правда, наверное, в каждой книжке или даже статье по вопросам керамики мы можем найти какое-нибудь упоминание о Гзеле, но часто эти упоминания настолько смутны, что ровно ничего не дают читателю. Как пример этого недостатка литературы, можно указать на то, что основной работой по Гжелю до сих пор продолжает оставаться работа Исаева в 85 страниц¹⁾, изданная в 1876 году, при чем и эта работа, хотя и весьма внимательная, крайне недостаточна, охватывая только экономику и отчасти технологию керамического района того времени. Вот этот недостаток сведений и побуждает меня поделиться теми материалами, которые я собрал, живя в Гзеле. Как бы ни были временами отрывочны приводимые мною сведения, благодаря краткости моего пребывания в Гзеле и трудности одиночного обследования, я думаю, что все-таки они могут принести известную пользу для дальнейших исследований в этой области.

I.

Я не имею в данное время намерения останавливаться на истории Гжельского производства в прошлом, но мне необходимо для ясности дальнейшего изложения остановиться только на одном почти методологическом моменте. Весьма часто исследователи, давая характеристику Гжели, не вполне четко проводили грань между двумя областями, или даже, можно сказать, эпохами Гжельского производства—между Гжелю, как местом создания в XIX-м веке целого ряда капиталистических предприятий фарфорового производства, и Гжелю гораздо более древнего происхождения, Гжелю кустарей-гончаров. Правда, почти все фарфоровые заводчики произошли из местных же крестьян, правда и то, что иногда эта грань едва уловима,—но, как бы то ни было, эти два явления все-таки—нечто совершенно разное и в классовом, и в экономическом, и, наконец, в производственном отношении. Однако, исследование Исаева о Гзеле называется „Промыслы Московской губернии“, а исследование Вихляева еще более определено—„Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения“. Создается такое впечатление, что эти две области есть нечто почти одно и то же.

Для характеристики всей экономической разницы между этими двумя производствами и вытекающей отсюда, что для нас особенно важно, разницы в путях их развития в будущем можно привести несколько данных.

Даже в наиболее благоприятные моменты размер одного гончарного хозяйства не превышал 4,4 человек. В то же время по круп-

¹⁾ Исаев. Промыслы Моск. губ. М. 1876 г.

ному фарфоро-фаянсовому производству на одну промышленную единицу падало в среднем в 1876 году 95 человек, а если брать не один какой-нибудь год, во избежание конъюнктурных случайностей, а все количество фабрик, независимо от даты одного определенного года, то эта цифра поднимается до 116 человек по одной Гжельской волости.

Если взять 15 наиболее известных фабрик Гжельской волости, то получим такое соотношение:

С количеством рабочих от 20 до 50 человек было	7	фабрик
" " " 50 " 100 " "	3	"
" " " 100 " 200 " "	2	"
" " " 200 " 500 " "	3	"

По Карповской волости из 7 фабрик одного 1876 года:

С количеством рабочих от 20 до 50 человек было	2	фабрики
" " " 50 " 100 " "	2	"
" " " 100 " 200 " "	2	"
" " " свыше 500 " "	1	"

Классово-экономическая разница достаточно обнаруживается приведенными цифрами со всеми вытекающими отсюда уже не методологическими, а логическими последствиями. А именно: неизбежное падение к концу XIX-го века, по общему закону развития капиталистических предприятий, Гжельских фабрик фарфора (падение цен, иностранная конкуренция, концентрация производства в лице Кузнецова и т. д.) не имеет абсолютно никакого отношения ко всему керамическому району в целом, к кустарям красной посуды, изразцов, кирпича и полуфаянса. Это совсем другая сфера с иными законами экономического и художественного развития. Эта сторона Гжели не только никогда не умирала вместе со смертью фарфора, но, можно сказать, она еще почти не начинала жить, так как первые шаги ее развития в конце XVIII века были уже в самом начале XIX века заглушены азартом привозного и модного фарфорового производства. Теперь, после почти окончательного сведения на нет фарфорового промышленного дела в Гжеле, этот круг, повидимому, сомкнулся, и Гжель, как кустарный керамический район красного товара и фаянса, еще только начинает путь своего развития.

Если мы теперь обратимся к статистике промысла, то увидим, что количество гончарных хозяйств резко увеличилось за последние 25 лет, — что объясняется именно этим фактом ликвидации частно-капиталистических фабрик и возвращением работавших на них кустарей к своему исконному занятию — гончарничеству.

Сравнивая три даты: 1876, 1899 годы и то, что есть в Гжеле сейчас, мы получим следующее соотношение количества гончарных хозяйств:

в 1876 г. было	113	хозяйств ¹⁾
" 1899 " "	90	"
" 1928 " "	297	"

Приведенные цифры касаются только Гжельской волости Бронницкого уезда.

Некоторое уменьшение хозяйств за время с 1876 до 1899 года вероятней всего объясняется временным отливом части кустарей на

¹⁾ См. Вихляев. „Землед. хоз. и промыслы крестьянского населения“.

вновь создаваемые заводы в других районах России, тем более, что именно на этот промежуток времени падает особенно интенсивное строительство новых фарфоро-фаянсовых заводов в России (в 1880 г. во всей фарфоро-фаянсовой промышленности России было 8000 рабочих, а в 1899 г. уже 10.000 человек).

В эти цифры вошли производства кирпича, огнеупорных изделий, красной посуды, гончарные игрушки, полуфаянс. Цифры 28 года сознательно взяты с преуменьшением, во избежание всяких ошибочных выводов, в то время, как в цифры 76 и 99 годов включен и полуфаянс, производство которого за дороговизной сейчас временно почти прекращено. И все-таки, несмотря на все эти меры предосторожности, соотношение получается достаточно убедительное.

По Карповской волости, даже если считать с полуфаянсом, в 1876 году было 8 хозяйств, в 1899 г. Вихляев насчитывает 4, а в 1927 году их не меньше 34. Между прочим, как раз по Карповской волости было в 1876 году 25 хозяйств, занимавшихся подсобным промыслом для крупной фарфоровой промышленности—живописным. Это те же гончары, но лишь специализировавшиеся на расписывании готовых изделий и состоявшие почти на положении служащих у заводчиков. С падением фарфора пострадало и это производство, но освободившаяся рабочая сила не расплылась и не исчезла из Гжели, а лишь перешла опять к своему прежнему занятию—гончарничеству, выделявая сейчас простую гончарную игрушку.

Прибавляя к приведенной выше цифре в 297 хоз. и общее количество хоз. Карповской вол., а также все хозяйства фарфористов и живоп. мы получим общее количество куст. хоз. всего Гжели в 373 ед., из коих игруш. 171, горшечн. 105, кирп. 55, фарф. 33 и живоп. 9.

В отношении кирпича по последним данным приведенные цифры должны быть еще увеличены. Так, в Меткомелине вместо 38 хозяйств, занимающихся этим промыслом, стало уже 69, в связи с дефицитом кирпича последнего времени. Кроме того, в этих цифрах не учтена незначительная выработка так называемого „Маревского“ кирпича Карповской волости, а также несколько небольших кирпичных предприятий сельских комитетов взаимопомощи той же Карповской волости (Сидорово, Соболево).

Для определения количества человек, приходящихся на эти 373 хозяйства, надо исходить из расчета 3 человек на 1 хозяйство. По данным Вихляева, в 1899 году было 4,4 человека на 1 хозяйство, но неблагоприятная конъюнктура с наемным трудом в настоящее время не позволяет считать в среднем больше 3 человек, исходя из чего, мы получим общую цифру всех самостоятельных кустарей-керамистов района приблизительно в 1120 человек. Поимом этого количества самостоятельных кустарей, большая масса их работает на местных государственных фарфоровых заводах. Заводы эти следующие: два от треста Мосстеклофарфора, с общим количеством рабочих на обоих заводах приблизительно в 600—700 человек, один—как отделение „Изолятора“, в 100—150 человек, и один небольшой завод при Керамической школе, в 45 человек. Всего приблизительно 800—900 человек Государственной фарфоровой промышленности.

Приведенные ориентировочные данные по современной статистике промысла, почерпнутые из местных волостных сведений, могут служить только некоторой „средней“ для выяснения внешней картины района, и это не столько потому, что они „ориентировочны“, сколько в силу особой характерной черты современ-

ного промысла—его динамичности. Крайняя чувствительность к разным конъюнктурным или налоговым моментам делают промысел в данное время в известной мере „текучим“, не имеющим определенных границ. Это особенно характерно с кирпичем, дефицит которого резко увеличил за последнее время количество кирпичников.

По общему экономическому уровню Гжель никак нельзя назвать бедным районом, но это уже во всяком случае не за счет доходов земледелия. Земли у крестьян очень мало; приходилось слышать, что на семью в 10 человек иногда приходится 1½ десятины земли. К этому необходимо добавить неравномерность почвы, ее болотистость и т. д.,—и мы пойдем, что, наверное, именно этот факт помимо близости от Москвы укрепил еще в далекие времена Гжельцев в их промысле, дающем необходимый добавочный доход. Исаев, приведя пример бюджета одного крестьянского двора, вычислил, что доходы от земледелия могут покрыть не больше 44% расходов, а остальные 56% покрываются промыслом (см. Исаев, стр. 167).

Но сможет ли промысел дать эти недостающие 56% бюджета? Конечно, это вопрос специального обследования, и частые жалобы кустарей в личных с ними разговорах не могут быть достаточно убедительны, но во всяком случае можно с уверенностью сказать, что при существующей неорганизованности сбыта, когда кустарь отдает за гроши плоды своего тяжелого труда, конечно, промысел дает лишь какую-то незначительную часть своего возможного коммерческого эффекта. И не только неорганизованность сбыта, но и всего производства в целом играет здесь громадную роль. Например, в большинстве случаев закупка дров—этого основного удорожателя керамического производства—ведется в одиночку, а не сообща. Затем часто практиковавшиеся в других гончарных округах совместные горны на 6—8 хозяев здесь я нигде не встречал, а это тоже облегчило бы топливный вопрос.

Неорганизованность производства и неорганизованность сбыта резко понижают возможный эффект промысла и делают объяснимыми частые жалобы кустарей на те гроши, которые они получают за свой труд. Вся эта масса кустарей, так возросшая в своих размерах за последние 25 лет, пробивается сейчас на дешевке самого примитивного товара исключительно потому, что нет никого, кто бы помог им в производстве и организовал бы сбыт их готовой продукции.

Не чувствуя уверенности в сбыте хорошей, но естественно и более дорогой вещи, кустарь предпочитает работать примитивы, но гишь бы по „твердым“ заказам какого-нибудь скупщика, который ларантирует ему эти заказы и который сам дает ему образцы, иногда весьма поучительно говорящие об этих невидимых миру виновниках дешевых и пошлых вещей.

Эту роль организатора сбыта должна была бы взять на себя, конечно, промысловая кооперация, но до самого последнего времени ее работа в Гжеле почти не замечалась. В настоящее время в Гжеле имеются следующие артели:

Гжельская волость: игрушечники—2 артели, в том числе в Жирове одна в 35 человек и в Турыгине одна в 12 чел.; горшечно-хоз. группа—одна артель в Фенине, около 30 человек; кирпичники—одна артель в Меткомелине, около 120 человек.

Карповская волость: игрушечники—одна артель, около 5 хозяйств (15—20 человек).

Итого по обоим волостям—5 артелей с количеством членов—приблизительно в 220 человек. Все эти артели организованы за са-

мое последнее время и еще почти ничем себя не проявили. Наибольшее значение имеет в данное время артель кирпичников, объединяющая деревни Монино и Меткомелино. Свои главные усилия она направляет сейчас на задачу соединения всей волости по кирпичному производству, так как до сих пор заготовка кирпича была распылена между несколькими организациями. Производительность ее пока не велика—в этом году 250—300 тысяч кирпичей, но уже с будущего года артель надеется довести это число до двух миллионов.

Кроме того, в Карповской волости Богородского уезда есть еще неучтенные мною выше несколько маленьких заводов строительного кирпича, организованные при сельских комитетах взаимопомощи. Такой завод имеется в Сидорове, оборудованный в 1926 году, с количеством рабочих в 7 человек. Первый год он давал около 50.000 штук, второй—около 100.000, а теперь, повидимому, и эта цифра будет превышена почти в $1\frac{1}{2}$ раза. Но вообще с кирпичом в Гжеле еще очень плохо организовано. Правда, в 1899 году было всего 5 хозяйств и 23 человека, а теперь самое меньшее 55—60 хозяйств и около 200 человек, но все-таки этого еще очень мало. Главная же масса кустарей - кирпичников находится верстах в 30 дальше по Богородскому уезду, например, в Васильевской волости и др. Кустари крайне недоверчиво относятся к артельной форме производства, и весьма трудно доказать им ее выгодность. Но, с другой стороны, сознание своей беспомощности и необходимости какой-то руководящей силы живет в их сознании, как бы иногда они сами этого ни отвергали. Так, например, мне пришлось слышать, что одно объединение кустарей обращалось к одному местному же кустарю, но обладающему гораздо бóльшим опытом и знанием в своем деле, с просьбой за большое вознаграждение руководить технически всей деятельностью артели.

Наемным трудом в данный момент кустари почти совсем не пользуются из-за боязни налога. Относительно размеров кустарного хозяйства я уже сказал, что среднее число работающих на одно хозяйство—это 3 человека, но, конечно, часто бывают и исключения, особенно принимая во внимание возможность в этом промысле использовать детский труд. Вот, например, что в минуту откровенности сказал мне один кустарь, имеющий семью в 7 человек. Оказывается, в основном работает он и два взрослых сына, но и остальные не остаются без дела: младший сын—за подмастерье, две дочки 11—12 лет головки раскрашивают, а жена, когда в хозяйстве не занята, тоже что-нибудь помогает.

Скрыванье фактических размеров своего хозяйства и скрытые формы промысла очень распространены. Например, одному местному работнику удалось однажды установить такой факт: кустарь отдает мальчику из соседней деревни гипсовые формы и тот ему обязан приготовить известное количество игрушек, производя весь процесс работы сам, начиная с добычи глины. Не делает он только обжига, но просушив вещи, относит их к своему заказчику. Эти мальчики, конечно, нигде не учтены, как кустари, и труд их весьма дешево оплачивается.

Условия труда у большей части кустарей довольно тяжелые. Прежде всего, здесь нет никакой нормы рабочего дня: если есть заказы и нужда в деньгах, то кустарь работает до поздней ночи. Помещения для работы, хотя обычно и отделенные от жилья, весьма маленькие, тесные и полутемные, и при этом соединяющие в одной

комнате все процессы: и формовку, и сушку и обжиг. Кроме этого, здесь же где-нибудь навалены кучи сырой глины, битых гипсовых форм и просто разного мусора, так что иногда бывает просто трудно подойти к работающим. Низкий потолок, под которым устроены полки для просушивания, дополняет картину. Я никогда не забуду, как однажды, часов в десять вечера, я зашел к одному знакомому кустарю в его мастерскую. Большие корзины с готовыми игрушками стояли у самой двери и, только перешагнув через них, я попал в мастерскую. Весь ее левый угол был заполнен горном, и так как он только перед этим был разгружен, температура в комнате была ужасная, как в самой жаркой бане, с той только разницей, что здесь еще вдобавок воздух был полон глиняных испарений. Две маленькие керосиновые лампочки, стоящие на токарных станках, освещали только лавки, находящиеся перед ними, на которых и давили в формы глиняных зайцев оба мои приятеля—отец и сын, полураздетые от невыносимой жары. Как-то невольно вспомнилось, что гончарные мастерские на Валааме в прежнее время назывались „скудельные“. Вот уж именно „скудельные“! На мой вопрос — долго ли еще они сегодня будут работать—мне ответили таким образом: „Когда кончим все, тогда вот и кончим. Нельзя сегодня не кончить. Он велел обязательно к завтраму“. — „А кто же это он?“ — „Да еще до войны я ему поставлял...“

Просушка в той же комнате, где и работают, наблюдалась мною буквально везде. Что же касается свинцовых отравлений, то, конечно, они есть, и если не в таком уж количестве, как это можно было бы ждать, то, главным образом, потому, что почти половина всех Гжельских кустарей работает игрушки, которые они покрывают „холодным“ способом, без глазури.

Приходилось мне слышать также и о случаях, когда некоторые процессы работы со свинцовой глазурью поручались детям, но, к сожалению, проверить достоверность этих фактов не удалось.

Выше я сказал, что условия труда тяжелы у „большой“ части кустарей, а не у всех, потому, что в Гжеле имеются совершенно такие же кустари, условия труда которых несравненно лучше. Делают они те же вещи, находятся в таком же материальном положении, и все-таки в их мастерских и светло, и чисто, и как-то просторней. Объясняется это преимущественно одним фактом—степенью культуры.

Само по себе гончарное производство совсем не является каким-то обязательно „вредным“, как это обычно думают. Оно может быть вредным и бывает им очень часто, но это, главным образом, благодаря невежеству и легкомыслию русского человека. Здесь опять-таки приходится вспомнить, что ни пром. кооперация, ни другие органы просвещения и организации кустарей-гончаров не приступили еще к работе по разрушению этих „скудельных“ прошлого и к созданию на их месте светлых и просторных мастерских здорового, нормального труда.

II.

Гжельские кустари в настоящее время вырабатывают следующие изделия:

1. Кирпич огнеупорный.
2. Водопроводные трубы.
3. Печные кафли.
4. Простую и аптекарскую посуду.

5. Кислотоупорные баки, плавильные тигли и пр.

6. Игрушку.

7. Технический фарфор.

К этому необходимо прибавить еще и такие изделия, которые если и не вырабатываются в настоящее время, то лишь в силу каких-нибудь случайных обстоятельств. Например,—клинкер,—просто в силу, повидимому, отсутствия в этом направлении организационного почина, а также декоративный и хозяйственный фаянс,—исключительно в виду дороговизны для одиночки-кустаря этого производства, требующего сложной глазуровки.

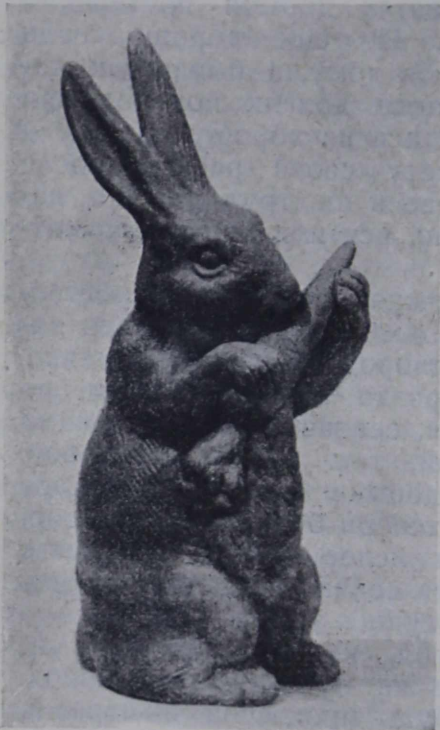
За исключением фарфора, все остальные изделия вырабатываются из местных глин. С момента добычи глины для производства начинается то отсутствие организованности, которое поражает в Гжеле. Глину копают зимой, чтобы место добычи не заполнялось водой во время рытья, так как никаких предохранительных мер, конечно, не принимают. Копают ямами или „дудками“, которые с весны заполняются водой и делаются недоступными дальнейшему использованию. В довершение всего, на этих местах добычи постепенно образуются болота, заражающие воздух. Но еще хорошо, если глину все-таки удалось достать и отвезти к дому, а бывают и такие случаи, как мне рассказывали, что после долгих поисков при помощи самодельного „щупа“, натолкнувшись на хорошую глину и начав ее копать, глинокопы, придя к месту своей работы после обеденного перерыва, обнаруживали, что весь их труд пропал даром, так как за то время, пока их не было, вся яма наполнилась откуда-то набежавшей водой.

Этот варварский способ добычи осложняется еще тем обстоятельством, что залегания глин в Гжеле, повидимому, гнездового характера. При наличии мощных пластов однородной глины, конечно, вреда от этих покинутых ям было бы гораздо меньше. Глины, по общему мнению всех старожил-глинокопов, сейчас в Гжеле, помимо простых сортов, еще много более тонкой, т.-е. белой фаянсовой, но лежит она довольно глубоко и для добычи одиночки-кустаря стала теперь недоступна. Он пользуется теперь более низшими сортами фаянсовой или простой, идущей на менее ценные предметы. Более же ценные белые глины привозятся сейчас из залежей Богородского уезда, где они лежат более доступно.

Накопав себе глины, обычно на год, кустарь привозит ее к дому, складывает в одну кучу и сейчас же пускает в производство, если нет старых запасов. Каких-нибудь процессов вымораживания я нигде не видел, и на мой вопрос—почему они не разбрасают глину хотя бы грядами на зиму — мне приходилось слышать в ответ, что все это ни к чему и что „и так сойдет“. Однако, эти же кустари, показывая мне треснувшие в обжиге вещи, жаловались на то, что вот-де глина пошла худая, не то что в прежние времена и т. д. Вполне очевидно, что сама глина здесь, конечно, совсем не при чем, а виной только полное отсутствие всех приготовительных, даже самых примитивных, процессов. Бывает даже и так, что куча привезенной глины складывается не на воздухе, а в каком-нибудь маленьком крытом сарайчике. Принесенную в мастерскую глину замачивают или в кадучке, или просто где-нибудь в углу и, промяв ее немного ногами, пускают в производство. Отмучивания тоже, конечно, не производится. Для формования пользуются или обычными станками—„немецкими“, или же формами—в производстве игрушек. Простые ручные станки уже, кажется, со-

всем вывелись, за исключением производства кислотоупорной посуды, где исключительная громоздкость вещей требует иногда обточки именно на низком ручном станке. Обжиг производится в горнах с прямым пламенем, на кладку которых часто идет местный „маревский“ сырец, спекающийся после обжига. Для обжига игрушек служат не горны, а просто печки, примазанные с боку горна, на которые идет гораздо меньше дров. Обжиг ведут не долго — часов 8, а, по признанию одного кустаря, некоторые вещи, в роде игрушек, иногда почти совсем не обжигают, а, лишь немного прокалив, отправляют в Москву с рассуждением, что там „все сойдет“. Глазурь покупают самую дешевую, например, для свинца — изоляционные решетки и прочий брак. Для размола глазурей служат ручные жернова, помещающиеся здесь же где-нибудь в мастерской.

Формы для игрушек делают обычно местные же кустари, специализировавшиеся на этом деле. Вообще любопытно, как один промысел порождает другой. Например, в Карповской волости, где в прежнее время было много кустарей-живописцев, развился особый вид промысла — выделка кисточек для живописцев из беличьих хвостов.

Работа кустаря 1928 г.

Изготовленные вещи или кроются глазурью по сырью и затем идут в обжиг или же в случае, если на них не идет глазури, кроются после обжига лаковой краской (игрушки). Бывает и так, что игрушки, обожженные, но не покрытые краской, отправляются „в белье“ в Москву, где их в какой-нибудь артели заканчивают.

Таков общий процесс производства для наиболее распространенных видов промысла: игрушек, кислотоупорной, аптекарской и хозяйственной посуды. Конечно, в каждом отдельном хозяйстве могут быть те или иные отклонения, но в общем, как некоторый „средний“ тип, он одинаково подходит ко всем упомянутым производствам.

По фарфоровому производству сейчас работают ролики, пробки, капселя, медицинские банки и т. д. Массу обычно берут на местном фарфоровом заводе или же достают фарфоровый бой и мешают его с „мининкой“. Обжигают тоже один раз, покрывая лазурью по сырью. Фарфоровых кустарных заведений не много, но существующие мастерские технически обставлены лучше и культурнее гончарных. Правда, получая массу уже в готовом виде, их собственная инициатива не так уже много имеет поводов для проявления. На капселя берут местные сорта огнеупорных глин, но кустари жалуются, что прежде капселя выдерживали гораздо больше обжигов, чем теперь, считая, что виною этому опять-таки качество добываемой глины.

На кислотоупорную посуду идет местная „пушнина“ — нечто среднее между мыловкой и песчанкой. Производство это для кустаря весьма дорогое, требующее больших фарфоровых горнов и сложного

обжига с частыми случаями брака. Поэтому встречается оно редко и обычно связано с необходимостью наемного труда. Вещи, иногда доходящие до громадных размеров—20 и 30-ти ведерные бадьи—делаются рукой на станке, и некоторые мастера достигают при этом поразительной ловкости и быстроты. Несмотря на все еще сохраняющееся значение станка для современного производства, все-таки чувствуется, что в этом деле уже пробита какая-то брешь, и работа с гипсовой формой, где она только возможна, налагает свой отпечаток на кустаря. Кустарь в массе постепенно отвыкает от станка, зная только форму. Это относится, конечно, преимущественно к игрушечникам, но не надо забывать, что они составляют почти половину всех Гжельских гончаров. Это большая школа для современного Гжели в смысле внедрения гипсовой формы. С другой стороны, искусство точки постепенно замирает, и, если сейчас заставить некоторых кустарей создать какую-нибудь более сложную вещь, в роде какого-нибудь мало-мальски замысловатого кувшина,—они вряд-ли создадут что-нибудь приличное. Правда, пока живо старшее поколение, это знание еще не безнадежно погибло, так как путем некоторой тренировки его можно было бы вновь оживить, но, конечно, если случается к такой тренировке не представится, сменяющее стариков молодое поколение кустарей уже не может приобрести свое промысловое мастерство путем профессионального преемства. Конечно, можно по-разному относиться к гипсовой форме, но, признаюсь, когда я увидел в одном доме точеный от руки фарфоровый подсвечник, простой, но прекрасной формы, я невольно пожалел, что современный кустарь не сможет создать эти волнистые линии белой массы, подчинившейся искусству опытной руки.

Повидимому, и кустари так же относятся к этой утрате мастерства. Мне, по крайней мере, пришлось услышать однажды такую горькую фразу от одного из них: „Если в скором времени никто Гжели не окажет помощи, то помяните мое слово, и горшки-то у нас точать разучатся и их будут привозить из других мест“.

С точки зрения техники промысла можно было бы ждать помощи от местной керамической школы, но, к сожалению, ее собственное существование до самого последнего времени было настолько непрочным, что пока не приходится и говорить об этой помощи в сколь-нибудь больших размерах. Основным тормозом работы школы было в продолжении ряда лет отсутствие собственного помещения. После некоторого периода бездействия, в начале революции, уже в 1918 г. школа делает первые шаги по завоеванию подходящего ей места в районе, но уже в 1921 году, когда был пройден только первый этап, ее внезапно выселяют из переданных ей старых мастерских Фартального, предлагая, вместо них, полуразрушенный заводик б. Попихина. Но и это благополучие продолжалось недолго, так как уже в 1922 г. школа лишилась и этого помещения. Тогда ею был взят в аренду бездействующий завод „Изолятора“, но уже в 1923 году завод был вновь передан в Трест и школа была опять поставлена перед необходимостью начинать сначала. И вот только 1925 год, когда школе, наконец, удалось создать свои собственные мастерские, можно считать годом начала более нормальной жизни, нормальной, конечно, лишь до известной степени, поскольку ее крайняя материальная необеспеченность, независимо от помещения, всегда является помехой в ее работе. К счастью, ей удалось оборудовать находящийся при ней небольшой завод технического фарфора, служащий ей до некоторой степени материальной базой.

Авторитетом у кустарей школа не пользуется и это объясняется, конечно, главным образом, указанным фактом непрочности самого ее существования. Но к этой основной причине, к сожалению, приходится присоединить и некоторую неумелость руководителей школы завоевать себе доверие окружающего населения. Академичность преподавания, оторванность от живых коммерческих возможностей, какая-то общая инертность — все это, конечно, не может благоприятствовать поднятию ее авторитета. Здесь нужен какой-то решительный сдвиг с ее стороны, учитывая те большие задачи, которые ставит перед ней современность по культурному воспитанию кустарей, по поднятию их техники, по передаче им для их фигурных работ новых моделей.

В вопросе о моделях для фигур и игрушек мне пришлось столкнуться в Гжеле с одним интересным фактом. Это — совершенное неумение художников, дающих модели, сочетать художественную сторону с самым элементарным коммерческим расчетом. Например, модель очень хорошая, но она ни в коем случае не сможет пойти в кустарном производстве, по той причине, что на нее нужно слишком сложную многостворчатую форму. Бывает иногда так, что, если бы в модели не было одного-двух лишних движений, форму можно было бы отлить не из 10, скажем, кусков, а из 5-ти, и в таком случае она бы смогла быть принятой в производстве. Бывали случаи, что кустари сами исправляли художников с этой точки зрения. Так, например, группа „Дедка с репкой“, несколько искривленная, была ими выпрямлена без особого ущерба для художественной стороны и в таком виде стала коммерчески приемлема. Или же художники дают слишком большие модели, которые не могут рассчитывать на сбыт из-за своей громоздкости.

Со стороны кустарей, конечно, есть известная инертность в вопросе созидания новых форм для своих вещей, но это объясняется преимущественно той неуверенностью в сбыте, которая так характерна для современного Гжели. Если кустарь до сих пор повторяет с Турецкой кампании 1877 года модель какого-то фантастического турка, то это только по той простой причине, что он уверен в его сбыте. А при полном отсутствии всяких торговых оборотных возможностей это единственный для него путь производства. С другой стороны, он прекрасно понимает, что удовлетвориться этим „турком“ нельзя и он ищет новых форм, но самый характер его поисков, лишенных всякой помощи от центральных организаций и местной школы, делает бесплодными получаемые результаты. Например, он покупает какую-нибудь резиновую игрушку в Резинотресте, совсем не подходящую для керамических целей, и делает из нее форму или, в еще более худшем случае, получает форму от тех скупщиков, которые покупают у него готовые изделия. Что из этого получается, — можно себе представить. Я видел однажды у кустаря две декоративные тарелки (стенные), из которых одна была по старой модели, а другая — по новой, от скупщика, забраковавшего первую. Первая имела какой-то несложный, но очень милый рисунок с деревенским пейзажем. На тарелке же скупщика были нагромождены какие-то невероятно пошлые средневековые замки, окаймленные еще более дешевым бордюром. Указывая на замок, кустарь прибавил: „Вот это, значит, заграничное, это, говорят, пойдет“.

Ассортимент „игрушечников“ довольно узкий. Это все больше какие-нибудь звери или вазочки, пепельницы, стенные тарелки или еще что-нибудь по случайному заказу.

К бедности ассортимента и уродливости тем прибавляется еще бедность внешней облицовки. Игрушки, как общее правило, не глазируются, а покрываются лаковой краской. Эта краска, особенно какая-нибудь „бронзовая“, совершенно уничтожает самое ощущение глины, делая вещь однородной с теми гипсовыми статуэтками, которыми завалены окна наших Универмагов,—как-будто керамика поставила себе задачей слить свои пути художественно-материального выражения с путями гипса. И это как-раз в то время, когда, говорят и сам Гум начинает задыхаться в этой массе дрянного гипса каких-то бронзовых „венер“ и псевдо-голландских мальчиков.

Проходя по деревням Гжели, можно увидеть то там, то здесь, образцы прежних кустарных работ, и нужно признаться, что сравнение получается крайне невыгодное для современного Гжели. Иногда—это фарфоровые игрушки с разнообразными и живописными сюжетами, иногда—фаянсовые изделия из местных белых глин, покрытые хорошей глазурью, умело раскрашенные, оригинальные по форме. Учитывая технику создания таких вещей, конечно, всегда отдаешь себе отчет, что современному одиночке-кустарю, без помощи каких-то выше стоящих организаций, это не под силу—и в бытовом, и в производственном отношении; но в то же время ведь именно эти вещи и нужны, и только они-то и представляют и художественный, и коммерческий интерес. Как же выйти из этого положения, как разрешить ту проблему, которая стоит перед современным Гжелем—соединить количественное увеличение промысла с качественным его возвышением?

Ведь как-раз теперь имеется определенный спрос на внешнем рынке на нашу кустарную майолику, которая подменена сейчас в Гзеле той безобразной лаковой терракотой, о которой я говорил.

В частности, за границей интересуются нашими Полтавскими гончарами, но что Гжель может работать не хуже, а может, и лучше Полтавы, в этом никто не сомневается. Конечно, понятно, что тот упадок, который переживает сейчас у нас вся керамическая промышленность в целом, не мог как-то не отозваться и на Гзеле. Повидимому, между дефицитом баланса Продасиликата и деревенскими керамистами существует какая-то „моральная“ связь. Но, как бы то ни было, нам нужно искать пути, чтобы как можно скорее пережить этот период, учитывая, что на керамике, этой старейшей отрасли художественной промышленности, лежит большая культурная задача, благодаря ее утилитарным особенностям и особой декоративной роли. В плоскости создания новых форм жизни совсем не последний вопрос—будут ли вас окружать в вашей квартире вещи из „бронзовой“ глины, изображающие какие-нибудь мещанские картинки со средневековыми замками, или же простые, но прекрасные вещи с сочной

„Красноармеец“ Глина. Работа ку-
старя по модели Сангурского. 1923 г.

и плотной глазурью. Если кустарь не может по своему материальному положению создать их сам, то нужно в этом помочь, учитывая, что эта помощь ему является помощью и себе, так как, конечно, американцев не прельстишь теми „венерами“, которых мы видим в Гуме. Эта помощь мыслится нам по следующим основным линиям:

1. Изучение заграничного рынка и организация сбыта.
2. Углубление работы Пром. Кооперации и создание на базе артелей более мощных горнов для капсельного обжига глазурованного товара.

3. Создание постоянного инструктажа как в области моделей так и в области техники производства. Для этой цели организация объединенной комиссии, включающей все заинтересованные организации — художественные, научно-производственные и торгующие, в частности — Промысловую Кооперацию.

4. Поднятие материальной стороны керамической школы в целях создания ей более прочной базы для культурного влияния на население. С другой стороны, усиление руководства ее деятельностью и вовлечение ее в более тесную связь с запросами современного художественно-промышленного рынка.

5. Создание постоянной выставки образцов и моделей при Гжельском Волисполкоме, как месте, где постоянно бывают кустари со всех деревень, а также поощрение деятельности местных краеведческих организаций, делающих в настоящее время попытку создания местных музеев (Карпово).

6. Организация в Москве выставки Гжельской керамики для широкого освещения вопроса об ее возможности.

Независимо от этого, продолжает оставаться на очереди вопрос о производстве геологического обследования залежей глин, имеющий особую актуальность для кирпичного промысла.

Таковы в общих чертах основные меры помощи Гжелю.

То, что старых кустарных вещей находится в общем мало, говорит за то, что Гжель, как район кустарного фаянса, еще почти не начинал жить. Самые первые его шаги в этом направлении были заглушены шумным строительством частно-капиталистических фабрик. Теперь, когда они потеряли свое значение, надо помочь ему в развитии его исконного гончарного промысла. Гжель требует своего рода „культурного похода“ и успешно его провести — долг нашей общественности и неотложная задача организаций, ведущих кустарной промышленностью Союза.

III.

В падении Гжельского фарфора прошлого века, помимо других причин, не последнюю роль сыграла и крайняя некультурность заводчиков. Те отдельные факты, которые мне приходилось слышать от стариков кустарей, иногда лучше длинных исследований проливали свет на эту сторону дела.

Расплата натурой из собственного продовольственного склада практиковалась до самого последнего времени, крайне затрудняя положение рабочих. Деньги вообще считались в Гжеле чем-то исключительно дорогим, и наверное, основываясь на этом, заводчики всячески старались задерживать выплату заработной платы. Иногда же они прибегали и к таким приемам: перед самой получкой вдруг объявляли, что тот или иной товар „не годится“ и разбивали некоторую часть его просто-напросто палкой „для доказательства“.

К моральной дикости присоединялась еще и чисто хозяйственная некультурность. Например, про одного заводчика рассказывали, что его дело часто начинало давать убытки исключительно из за его бессмысленной скупости: пожалеет дать в массу достаточное количество какого-нибудь ценного состава, и весь горн вынимают с браком. Через некоторое время опять такая же история и опять по той же причине.

В виде исключений из этого общего правила мне обычно называли имена Киселева, Храпунова и Федяшина.

Киселев, повидимому, кроме своего положения заводчика, был еще местным „бурмистром“ от Московской Удельной Конторы, но несмотря на эту двойную власть, он, по рассказам стариков, никогда ею не злоупотреблял. Это повидимому был фанатик своего дела, к сожалению, только не обладавший при этом достаточным коммерческим талантом. На этот факт мне и указывали, как на причину его разорения в 60-х годах,

правда, при этом прибавляя, что окончательным ударом для его дела был целый ряд из месяца в месяц повторявшихся неудачных обжигов, своего рода „стихийный брак“. В то же самое время все, с кем мне приходилось по этому поводу говорить, категорически отрицали обычно приводимую в литературе причину его разорения — его умопомешательство. О таком факте достаточно ярком, чтобы его запомнить, никто даже не слышал. Умер Киселев в Егорьевске Рязанской губернии у своей дочери. Очень любопытен его портрет, найденный мною у одного местного жителя. На нем изображен мужчина средних лет с черной окладистой бородкой и с черными же пронизательными глазами. На шее две медали с профилем Николая Павловича. Одет в кафтан с золотыми галунами. В левой руке держит раскрашенную вазу в стиле Севра, опираясь одновременно на высокий столик, на котором развернутый свиток и циркуль; портрет без даты и подписи.

Любопытно, что он висел очень долгое время на паперти местной церкви, повидимому „в назидание“ всем молящимся. У потомков владельцев завода Федяшина мне подтвердили правильность сведений Исаева о возникновении завода в 60-х, а не в 40-х годах, как это утверждает Селиванов. Этот завод был известен главным образом благодаря своим т. наз. „мраморным“ изделиям из фаянсовой глины. Здесь мне между прочим показали в старой порыжевшей записной книжке рецепт массы Козловского завода. Написано было буквально следующее: „8 пудов Олонского камня, 6 голыша и 12 глуховки“. Завод М. В. Дунашева существовал еще незадолго перед войной, что между прочим доказывается и виденным мною в одном месте чернильным прибором с маркой „фабриканта М. В. Дунашева

Фарфоровая чашка зав. бр. Новых. (первая четверть 19-го века).

сыновья“ и датой „1907 год“, так что отнесение некоторыми собирателями ликвидации этого завода к 80 годам является неправильным.

Из изделий завода Акулина в Новохаритонове, про который Селиванов говорит, что он не ставил клейм, мне пришлось увидеть одну чашку с подробным клеймом: „С. А. Акулина в Новохаритонове“. Некоторые Гжельские заводы своих живописных мастерских не имели и вещи для раскраски отдавали артелям „писарих“, которые получали за 10 чайников, например,—10—12 копеек. Обычно изделия таких заводов относятся к разряду наиболее примитивных (Жадин, Куринов и др.) и в то же время наиболее часто встречающихся, в то время как например великолепные по тончайшей архитектурной отделке фарфоровые лампы завода Маркова сохранились в очень небольшом количестве.

Художественное значение Гжельского заводского фарфора 19-го века требует конечно специального исследования, и я здесь могу поделиться только своим общим впечатлением. Гжельский фарфор это какая-то „крестьянская“ страница в истории русской керамики, иногда примитивная, иногда утонченная и прекрасная, но всегда даже и в этой утонченности имеющая какой-то аромат русской деревни. Эта смесь Нижегородского с французским была одинаково характерна для всех заводов, и несомненно, что помня всегда о всей экономической и классовой разнице между заводским фарфором и кустарно-гончарным промыслом, мы все-таки должны признать, что между ними есть какая-то психологическая связь. Пути их развития в конечном итоге совершенно различны, но происхождение одинаково: подмосковное малоземельное крестьянство. Вот, например, такая характерная для Гжели первой четверти 19-го века чашка (бр. Новых) — вся форма выдержана в „ампире“, но в рисунке и в раскраске чувствуется, что этот „ампир“ внезапно сбился на какую-то простенькую ситцевую набойку. Этот подмосковный „ситцевый ампир“ серенький, как русское небо и в то же время веселый неволью обнаруживает подлинное происхождение вещи.

Эта общность происхождения так же, как и одновременность существования, заставляет нас для целей практической работы в современном „гончарном“ Гжеле серьезно изучить и Гжельский фабричный фарфор 19 века.

С. Фудель.

Геоботанические исследования в Коломенском и Серпуховском уу. Московской губ. в 1927 году.

(Предварительное сообщение).

Работы этого года имели целью окончание геоботанического обследования трех южных уездов Московской губ. — Каширского, Серпуховского и Коломенского, начатого мной в 1923 году и проводимого ежегодно, до самого последнего времени.

Исследование Серпуховского и Каширского у. было закончено мной в прошлом 1926 г. и предварительные отчеты по этим уездам имеются в рукописи и представлены в Мосгубплан. Коломенский уезд к концу 1926 года был закончен только в своей приокской части, территории же к северу от Оки остались незаконченными. Им я и посвятил 1927 год. Кроме того, я счел необходимым

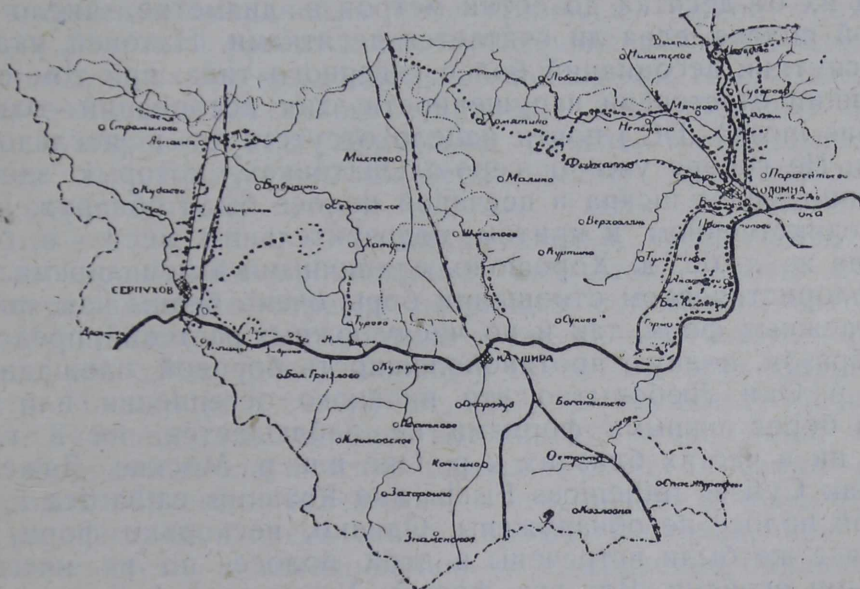

Рис. 1. Маршруты 1927 г. Масштаб 30 в. в д.

посетить повторно Серпуховской уезд, как наиболее сложный и важный.

Маршруты 1927 года, нанесенные на приложенной карточке, составляют около 320,1 км; (общая же длина всех моих маршрутов по 3 уездам составляет в настоящее время около 2.134 км).

Экскурсирование было начато 2-го июня и закончено 25-го сентября.

Мной сделано около 50 описаний и до 60 фотографических снимков. (Вместе с материалами прошлых лет, описаний имеется теперь до 400, а снимков свыше 1000). Гербарный материал собирался лишь в крайних случаях, так как, по недостатку средств, я

не мог располагать постоянной подводой, с другой же стороны, в этом году я не имел помощника.

Меня интересовала песчаная площадь, расположенная к востоку от р. Москвы в Коломенском у. и затем плато к северу от р. Оки в этом уезде.

Сохранность указанной песчаной площади оказалась неудовлетворительной: беспорядочные рубки и выпас прошлых лет внесли очень глубокие изменения в боровой тип, свойственный этому пространству. Однако, нами были осмотрены и хорошие, сравнительно, участки бора в 3,734 км к западу от ст. Москварецкая. Они представлены здесь *Pineta hylosomiosa*. Характерно в данных участках и вообще во всей полосе левобережья отсутствие или слабое развитие ассоциаций северного, глубоко-таежного типа, даже более северных растений. Так мы нигде не встречали сосняков черничных (*Pineta myrtillosa*—*Myrtillus* - *typus*) или кисличных, (*P. oxalidosa*—*Oxalis* - *typus*), больше того: сама кислица (*Oxalis Acetosella* L.) нигде нами не обнаружена. С другой стороны, надо отметить весьма малое развитие здесь ели (*Picea excelsa* Link). Ельников в полном смысле слова здесь нет. Флористический анализ сохранившейся здесь растительности не обнаруживает следов бывшего, более широкого распространения елового типа. Ель попадает или единичными экземплярами или небольшими группами, вкрапленными в сосновый бор. Затем укажем на ничтожное развитие торфяников. Размеры их от десятка до сотни метров в диаметре, число их во всей этой полосе едва ли считается десятками. Наконец, укажем на то, что спутник ассоциаций более северного типа, при том спутник независимый от степени нарушенности этих ассоциаций—ольха серая (*Alnus incana* DC.) почти нацело отсутствует в исследованной площади. Не говоря уже о серо-ольшатниках, которых здесь нет совершенно, *Alnus incana* в песчаной полосе была обнаружена нами лишь в единственном и притом подозрительном месте—в болотце у полотна ж. д. бл. д. Хорошово, единичными экземплярами.

В флористическом отношении боры очень бедны как по количеству таежных форм, так и по числу южных растений, представляя таким образом, полную противоположность боровой площади левобережья р. Оки. Любопытно, что никакого остепнения или пронизанности боров южными формами не наблюдается, ни в глубине массива, ни в частях близких к р. Оке или р. Москве. Даже такие формы как *Cytisus ruthenicus* Fisch. или *Rhamnus cathartica* L. нигде в боровой полосе не обнаружены. Однако, несколько форм, более южных, все же были встречены в этой полосе, но не массами, а единичными особями. Вот эти формы: *Veratrum Lobelianum* Bernh., *Aconitum lasiostomum* Rchb., *Serratula tinctoria* L., *Achyrophorus maculatus* L. (sol.-up.), и, наконец, как заносное растение, у полотна ж. д. между ст. Коломна и ст. Пески М.-Каз. ж. д.—*Genista tinctoria* L.

Очень обедненную южную флору находим на глинистоизвестковых склонах по р. Москве и ее левобережных притоков близ их устьев. Так на участке Коломна—Воскресенск констатированы след. формы: *Campanula bononiensis* L., *Koeleria Delavignei* Czern. *Festuca sulcata* (Hack.) Korsh. *Aristolochia Clematitis* L. *Lavatera thuringiaca* L., *Phlenum Boehmeri* Wib., *Filipendula hexapetala* Gilib., *Vincetoxicum officinale* Moench., *Torilis Anthriscus* Hoffm. *Ernygium planum* L., *Seseli annuum* L. (sol.), *Serratula tinctoria* L. и нек. др.

Вся осмотренная боровая полоса характеризуется хорошим возобновлением сосны. Заболачивания лесосек здесь не наблю-

дается в скольнибудь заметных размерах. Пастьба на лесосеках ведет к образованию „полевичных лугов“ с преобладанием *Agrostis vulgaris* With. с вкраплением единичных бляшек *Deschampsia caespitosa* P. B. и *Nardus stricta* L. Белоусников в полном смысле здесь нет. Скопления белоуса ничтожны по площади и приурочены к влажным, вторичным обитаниям, связанным с выпасом.

Вторичными насаждениями здесь являются почти исключительно березняки и березо-сосновые комбинации. Образование тех и других связано с запуском лесосек и образованием травяного покрова, при условии отсутствия вапаса. Кроме того, при отсутствии вблизи семян сосны, березняки образуются, как правило, на заброшенных пашнях. Вообще же березняки представлены здесь слабо и неустойчиво и при надлежащем уходе могут быть без особого труда превращены в сосняки.

Долины речек, прорезывающих в широтном направлении массив (р.р. Медведка, Семиславка и Смысловка), заняты черно-ольшатиниками, местами с примесью дуба и ивняками. Надо думать, что прежде здесь были представлены и настоящие пойменные дубняки, особенно в низовьях речек, где крутые берега их, сложенные известняками, раньше, вероятнее всего, были покрыты дубом.

Остатки пойменных дубрав находим и сейчас в притеррасной части р.р. Москвы и Нерской бл. с. Конобеева, Бронницкого у., в местности, относящейся к той же боровой полосе. Здесь дуб растет то чистыми насаждениями, то с примесью черной ольхи, при этом среди болотной растительности (*Filipendula Ulmaria* Maxim., *Iris Pseudacorus* L, *Carex div. sp.*, водоемы с *Potamogeton*, *Hydrocharis* и др.).

В качестве диагностического признака для описанной боровой площади, в широком, географическом смысле, мы должны будем обратиться к какому-нибудь характерному травянистому растению, свойственному этому району. Таким растением будет *Festuca ovina* L. s. str. ¹⁾ — овсяница овечья, чрезвычайно характерная для боров (и их производных) как этой полосы и боров всего северо-западного отрезка песчаного понижения, заходящего к нам в Московскую губ. с востока и генетически связанного с Мещерским краем („Мещерская низина“), так и для всех боров левобережья р. Москвы (и к северу от нее?) в пределах Московской губернии. Растение это удобно во многих отношениях, именно, 1) имеет широкий экологический размах и растет в самых различных условиях обитания—освещения, влаги, почвы, 2) не боится вторичных воздействий и очень стойко против скотобоя, при полной нечувствительности к сенокосению—т.-е. пригодно одинаково как для первичных типов, так и вторичных, 3) географически, по видимому, очень характерно для нашей местности, т. к. за 5 лет работы в трех уездах — Серпуховском, Каширском и Коломенском нами нигде не обнаружено (за исключением нескольких заносных обитаний у ж.-д. путей) ни при каких условиях, кроме указанной боровой площади левобережья р. Москвы в Коломенском у. Это же растение распространено в борах под Раменским и Быковым, Бронницкого у., Вешняками, Троицким—Лыковым (Серебряный бор) и Рублевым, Московского у., Усовым и Звенигородом, Звенигородск. у.,—

¹⁾ Определить сейчас растение более точно, при очень слабой изученности российских *Festuca ovina*—видов, мы не можем. Ни одна из форм, приведенных в Монографии Хакеля (E. Hackel. Monographia Festucarum europaearum [1882].), целиком не подходит к нашему растению. Не исключена возможность, что это особая, еще не описанная раса.

словом в полосе боров по р. Москве, отсутствуя, повидимому, к югу от нее ¹⁾). Растение известно нам из ряда пунктов в борах к северу от р. Москвы, в уездах: Московском, Клинском, Дмитровском и Сергиевском.

Таким образом, мы склонны назвать указанные боры фестуковыми борами (*Pineta festucosa*) по имени руководящего растения—*Festuca ovina* L. s. str., аналогично установленным нами ранее келериевым борами, где очень характерна келерия высокая (*Koeleria grandis* (Bess) Dom.) и свойственным песчаной полосе левобережья р. Оки.

Замечательно, что в полосе келериевых боров в Серпуховском и частью в Коломенском у., по их окским окраинам, встречается близкий вид, но степной по преимуществу,—*Festuca sulcata* (Hack.) Korsh., представляющий, однако, совсем другое растение, с другой, экологией и географическим распространением. В нашей губернии это растение как раз не найдено ²⁾ в северной половине, т.-е. к северу от р. Москвы, кроме заносных обитаний по линиям железных дорог. Таким образом *F. ovina* и *F. sulcata* как бы заменяют друг друга в пределах Моск. г. Интересно еще отметить, что в нашей москварецкой боровой полосе *Koeleria grandis*—совершенно отсутствует.

В полном отчете мы постараемся показать, что два типа боров, для которых в качестве указателей взяты злаки келерия и фестука, представляют собой типы, в генетическом отношении совершенно различные, как по самому происхождению, так и по возрасту.

Ограничиваясь, по недостатку места этими, краткими сведениями о москварецких борах, отметим еще интересную находку, сделанную нами: к востоку от полотна М.-Каз. ж. д., в 1,6 км от линии, между Хорошовым и Песками, в изреженном бору, мы обнаружили в большом числе *Sieglingia decumbens* Bernh.—растение очень редкое в Центральной России и известное только в одном пункте—в Клинском у. нашей губернии (А. Уранов).

Теперь обратимся к части Коломенского у. к северу от р. Оки и к западу от р. Москвы. Эта, большая часть уезда, изрезана глубокими речными долинами и оврагами с крутыми стенками, по которым часто наблюдаются обнажения известняков. Благодаря тому, что в большей части уезда сеть оврагов и речек довольно густа, особенно в северо-восточной половине его, водоразделы хорошо дренированы, и местность носит характер расчлененного рельефа, представляя, таким образом, полную противоположность ровным, уплощенным междуречьям примыкающего с запада Серпуховского уезда, где сток вод часто затруднен и процессы дренажа находятся на самых начальных ступенях. Следовательно, рельеф нашего уезда создает для растительности несколько иные, более ксерофитные условия, чем в соответствующей полосе к западу. Естественно, что склоны водоразделов, имеющие всюду хорошие стоки вод, будут иметь здесь благоприятные условия для развития соснового типа, тем более, что населенность уезда значительна, а это ведет к увеличению интенсив-

¹⁾ Раньше считали *Festula ovina* s. str. (см. Сырейшиков. „Илл. Фл. Моск. г.“ часть I р. 147 [1906] и его же: „Опред. р. М. г.“ р. 67 [1927]) растением встречающимся „часто“ и „очень часто“, что, как видим, не совсем верно.

²⁾ У Сырейшикова в „Опр. р. М. г.“ р. 67, это растение указано для Клинского у. по недосмотру.

ности выпаса и вообще нарушенности первоначальных условий, содействуя возникновению вторичных сосняков. Действительно, сосняки склонов—явление, очень распространенное в Кзм. у. от самой р. Оки до северных границ уезда. Так как уезд раньше имел больше пахатной земли и эти пахатные земли потом иногда забрасывались, то развитие вторичных типов в нашем уезде привело к преобладанию в ландшафте междуречий березняков, березо-сосняков и сосняков, которые совершенно затушевали первичный—дубовый тип. Этот последний сохранился лишь там, где лес берегли. Однако, таких мест в уезде осталось крайне мало, поэтому высказаться теперь о его характере для всего уезда—трудно. Очень хороший участок дубняка имеем к северу от с. Игнатьева на ровном водораздельном пространстве

Рис. 2. Карасевская лесная дача Озерского л-ва. Липо-дубняк с травяным покровом из *Carex pilosa* Scop. (*Tiliaeto-Quercetum caricosum*). Травяной покров. Главная масса—листья *Carex pilosa* затем можно разобрать слева направо: *Polygonum officinalis* L., *Asarum europaeum*., *Galeobdolon luteum* Huds. *Orobus vernus*., *Ajuga reptans* и *Paris quadrifolia* IX 1927.

бл. ст. Карасево (Карасевская лесная дача Озерского л-ва). Его нужно отнести к типу *Quercetum caricosum* или *Tiliaeto-Quercetum caricosum*, т.-е. дубняк или липо-дубняк с преобладанием в травяном покрове осоки пушистой—*Carex pilosa* L. Здесь же представлены и результаты разреживания дубняка с введением умеренного выпаса—щучковый дубняк—*Quercetum deschampsiosum* (или Т.-Q.). Нет стадии вейнико-щучкового дубняка—*Quercetum deschampsioso-calamagrostidosum*. Участки с преобладанием в покрове сныти—*Quercetum aegopodianum*, очень малы по площади. Полнота дачи 0,6—0,7. Возобновление дуба хорошее. Стадий белоусников нет совсем как и во всей остальной части плато к северу от р. Оки. Это—отличительная черта Коломенского у. по сравнению с Серпуховским, черта, сближающая наш

уезд с Каширским. Любопытно, что в даче почти нет ели (по указанию сторожа есть всего 3-4 небольших угнетенных эк-ра), но с другой стороны, имеется ясень — факт интересный, т. к. в районе трех наших уездов ясень констатирован впервые на плато к северу от р. Оки. Встречался ли ясень во всей остальной части плато уезда к северу от р. Оки, — сказать трудно, местонахождение ясеня в Карасевской даче пока единственное. Другой небольшой дубнячок обнаружен по б. м. пологому склону водораздела бл. д. Ивантеево. Он находится в стадии переходной к щучковому дубняку. Этими участками исчерпывается весь наш материал по дубнякам плато¹⁾.

Вернемся к нашим березнякам и соснякам, столь широко распространенным в уезде. Интересна бедность тех и других боровыми формами. Нигде не найден типичный сосновый элемент — брусника (*Vaccinium vitis idaea* L.). Нет также черники (*V. Myrtillus* L.) или кислицы — ни в каких условиях.

В хорошем сосняке (*Pinetum hylacomiosum*) бл. Ивантеева обнаружены единичные экземпляры *Chimaphila umbellata* Nutt. Если сюда прибавить обычные везде три грушанки (*Pirola minor* L., *P. rotundifolia* L. и *P. secunda* L.), лекарственную веронику (*Veronica officinalis* L.) и еще несколько слабых таежников, в роде *Luzula pilosa* L., то этим будет исчерпываться весь боровой фонд описанного плато.

Нигде в указанном районе мы не могли обнаружить признаков елового типа. Сама ель, в противоположность Серпуховскому уезду, здесь очень редкое, единично встречающееся растение. Ельники, указанные как-то в литературе²⁾, на самом деле, сделаны рукой человека. Ель же в смежных с ними березняках проникла туда с самое новейшее время из этих „еловых садов“. Еловая флора в таких „ельниках“, как и следовало ожидать, оказалась отсутствующей.

На плато же, а равно и в долинах речек Кол. у., к северу от р. Оки и к западу от р. Москвы, совершенно отсутствует ольха серая (*Alnus incana*), которая найдена лишь как редкость в приокской полосе (Горы — Белые Колодези). Т. о., стадия сероольшатников, столь характерная при лесовозобновлении на плато в северной половине нашей губернии, здесь полностью отсутствует.

Как я выяснил еще в 1925 г., серая ольха отсутствует к югу от р. Оки, а к северу от нее, в Серпуховском у. имеется только в долинах рек и лишь на крайнем северо-западе уезда, в Стремилловской вол. единично встречается на плато. Южную границу равнинного распространения серой ольхи вероятно придется провести севернее линии — Стремиллово — Подольск — Бронницы, а южн. гр. сероольшатников еще севернее.

Отмечая такую бедность бореальными формами пространств к северу от р. Оки, посмотрим, как ведут себя здесь растения южного типа.

Исследования 1927 года дали в этом отношении любопытные факты. Оказалось, что ряд южных форм, которые раньше считались приуроченными только к окской или москварецкой долине, идут в глубь уезда, и, что интересно, растут не только в условиях склонов, но и на плато, в условиях равнинной экспозиции. Мы полагали раньше, что северная граница равнинного распространения *Seseli annuum* L. проходит вдоль левого берега р. Оки. Оказалось, что это растение широко распространено на плато к северу от Оки в Кол. у.,

1) Растительности вторичной дубравы, расположенной на заброшенных ломках известняка около ст. Воскресенск, мы здесь не касаемся.

2) См. Сборник „Московский Край“, изд. „Новая Москва“, стр. 114 (1926).

постепенно редая к западу и сходя на нет в пределах Серпуховского у. Интересно, что *Koeleria gracilis* Pers, распространенная по известнякам на р. Оке, оказалась в нескольких пунктах внутри уезда: Непецыно—луговина на легком восточном склоне плато, луга высокого уровня по р. Северке между Непецыным и Шкинью—в ряде пунктов. Под Непецыным, почти в нормальных условиях рельефа, мы обнаружили такой комплекс совместно: *Koeleria gracilis* Pers, *Festuca sulcata* (Hack.) Korsh., *Fragaria collina* Ehrh., *Mysotis silvatica* s. l., *Leucanthemum vulgare* Lam., *Phleum Boehmeri* Wib., *Serratula tinctoria* L., *Filipendula hexapetala* Gilib. и *Seseli annuum* L. Интересно, что сорник более южных мест—*Achillea nobilis* L. оказался почти всюду распространенным внутри Коломенского у. на паровых полях и в посевах. Отметим еще одну черту: массовое развитие на полях осота—*Cirsium arvense* Scop.—также южного, по преимуществу, сорника. Если мы обратимся к Серпуховскому у., то при тех же условиях, т.-е. на луговинах из-под дубняков, выпасываемых в умеренной степени и расположенных на плато, мы не найдем комплекса, подобного описанному выше. С другой стороны, к югу от р. Оки, в Каширском у. имеем при тех же условиях почти все перечисленные растения, за исключением *Koeleria gracilis* Pers и *Festuca sulcata* (Hack.) Korsh. Если с приведенными фактами сопоставить почти полное отсутствие в Коломенском у. белоусников, ельников, и ничтожное развитие самой ели, а с другой стороны присутствие ясеня в дубняках плато, то наш уезд оказывается (за исключ. москварецкой боровой полосы) близким к северной части Каширского у. в части к югу от р. Оки (дубняки с ясенем, сосняки и березняки) и заметно отличается от Серпуховского уезда в части к северу от Оки (дубняки с елью, ельники, белоусники). Т. о. мы видим, что на востоке нашего района 3 уездов растительность более южного типа идет к северу дальше, чем на западе, а р. Ока не является препятствием для такого движения растительности к северу.

Интересно, что на западе южная граница белоусников идет не по р. Оке, как это имеет место в центральной части нашего района, а спускается к югу от нее. То же можно сказать и о южной границе равнинного распространения ели. Действительно, северо-западный угол Алексинского у. с пограничными частями Каширского, имеет, как установлено нами, ель и белоусники на плато, отличаясь, т. о., резко от остальной части Каширского у. и вообще территорий к югу и юго-востоку. Подобная же разница отмечается и в почвах. Из всего этого мы делаем вывод, что растительность водоразделов нашего района трех уездов подчиняется общему закону распределения растительных зон на русской равнине, которые идут, как известно, не в широтном направлении, а в направлении с юго-запада на северо-восток, и наблюдаемые отношения в Коломенском уезде станут т. о. понятными, если принять во внимание этот закон зональности.

Выше упоминалось о выходах известняков внутри уезда. Какова флора этих обнажений? Мы осмотрели ряд обнажений известняков по рр. Сукуше, Городенке и Северке и констатировали довольно бедную флору. Так, по известнякам на р. Сукуше бл. с. Орехова мы фиксировали след. более южные формы: *Rubus caesius* L., *Potentilla reptans* L., *Lavatera thuringiaca* L., *Eryngium planum* L., по известнякам на р. Городенке бл. Аксиньина—*Aconitum lasiostomum* Rchb., *Centaurea stenolepis* Kern., *Conioselinum tataricum* Fisch. и *Torilis Anthriscus* (L.) Gmel., на р. Северке бл. с. Шкинью: *Phleum Boehmeri* Wib., *Seseli annuum* L., *Filipendula hexapetala* Gilib.

Т. о. мы видим, что внутри уезда южная флора представлена несравненно беднее, чем на р. Оке, или даже, чем на р. Москве.

Кроме экскурсий внутрь уезда я сделал 2 поездки на р. Оку— одну в Белые Колодези (совместно с П. Г. Александровым), другую— в Протопово-Игнатьево.

Знаменитая белоколодезская дубрава стала ва последнее время вырубаться и стравливаться в таких размерах, что теперь приходится опасаться за ее целость.

Несколько лет тому назад, по инициативе заведующего естественно-историческим музеем Коломенского Земельного Отдела П. Г. Александрова, энтомолога по специальности, были приняты меры к прекращению порубок и пастьбы скота.

Местный сельский совет не только поддержал идею Александрова, но устроил специальную изгородь для защиты дубравы от пастьбы.

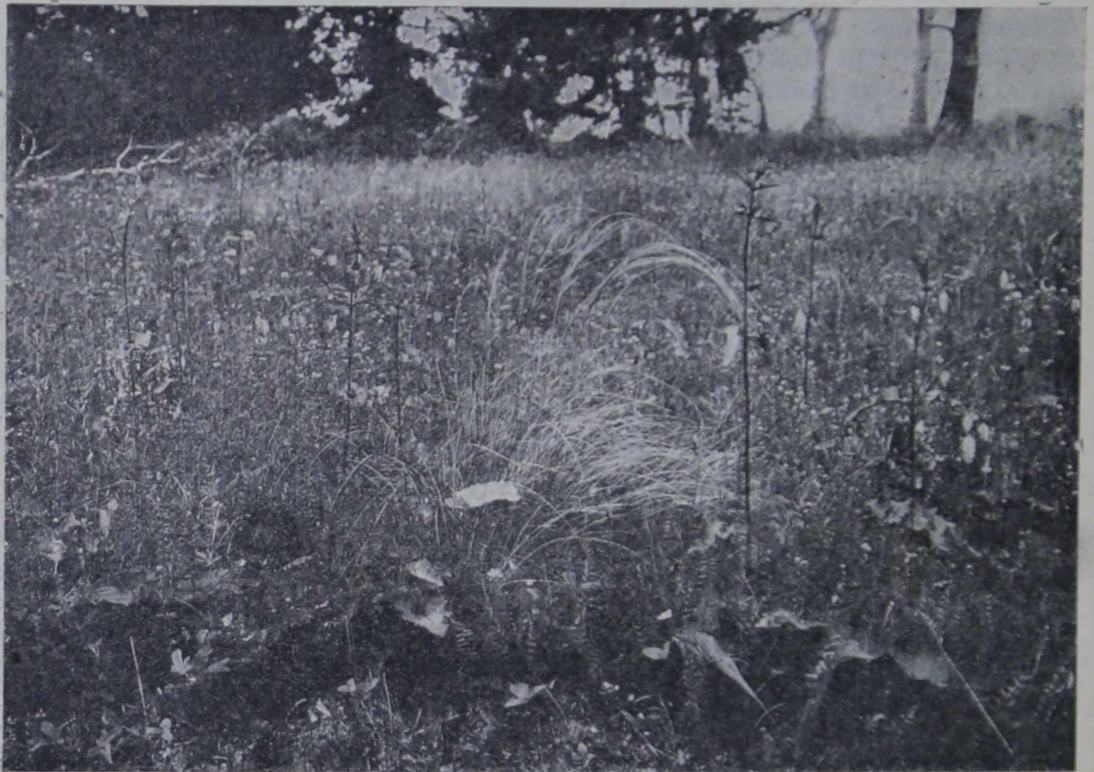

Рис. 3. Степная колония на р. Оке бл. с. Лужки. Асс. „разнотравно-типчаковая“. Ковыль в цвету—*Stipa Joannis* Cel. f. *okensis*. P. Smirn. Рядом с дерновиной ковыля высокие стебли *Phlomis tuberosa*, внизу много листьев *Filipendula hexapetala* Gilib и *Fragaria collina* Ehrh. Затем можно разобрать: *Myosotis silvatica* auct. (цв.) *Plantago media*. (цв.) *Galium verum*. (бут.) и *Trifolium montanum*. (аут.) VI, 1927 г.

К сожалению, за последнее время, в связи с ранее происходившими ломками известняка для нужд Каширской электростанции, пастьба и порубки увеличились вновь. Ломки и пастьба губительным образом, по сообщению Александрова, отозвались на характерной энтомофауне Белых Колодезей. Не менее губительно повлияла пастьба и на растительность. Правда, вся флора Белых Колодезей, как показал наш тщательный осмотр, оказалась налицо, но растительность изменилась местами до неузнаваемости. Бесспорно—Белые Колодези являются одним из замечательных памятников природы

Центрально-Промышленной Области, поэтому нужно теперь же принять самые решительные меры к прекращению пастьбы и порубок, т. к. дальнейшее угнетение степных растений может привести к фактическому их исчезновению. Ввиду того, что природные условия Белых Колодезей (теплый южный каменистый склон) на редкость благоприятны для степняков и дуба, нужно полагать, что дубрава у Белых Колодезей оправится и восстановится в прежнем виде в ближайшие же годы, если она будет теперь же изъята из всякого хозяйственного пользования.

Поездки в Серпуховском уезде имели целью детализировать ранее производившиеся исследования, главным образом, в полосе к северу от р. Оки, а так же приготовить снимки крупного формата с наиболее типичных растительных ассоциаций.

Меня интересовали границы „лопаснинского елового острова“, обнаруженного мной в 1925 г. и связь его с окружающим дубовым

Рис. 4. Отрадинская лесная дача Туровского л-ва. Сосно-ельник без травяного и мохового покрова (*Pineto-Piceetum nudum*). Возраст около 80 л. IX 1927 г.

типом. Я прослеживал его на западе по линии Шарапова Охота—Воздвиженское и западнее этой линии. Оказалось, что между западным выступом острова и р. Нарой не удастся найти никаких еловых следов. Поэтому думается, что „остров“ не имеет связи с ельниками севсро запада уезда (Скребуховская дача). Последние, к тому же, отличаются от Лопаснинских отсутствием *Oxalis-typus*'а на плато.

Затем я детализировал исследование различных стадий „дубняков с елью“ на плато и увеличил свой описательный материал. Мной прослежены так же процессы изменений в дубняках под влия-

нием выпаса. Кроме установленных уже стадий (см. прежние отчеты), я установил еще стадию „щучко-белоусового дубняка“ с большим разрежением древостоя и выпасом, чем стадия „щучкового дубняка“. Отсюда один шаг к образованию „щучко-белоусового луга“. Дальнейший выпас ведет эти луга к образованию настоящих белоусников, столь характерных для уплощенных глинистых междуречий центральной части Серпуховского уезда. Эти стадии я наблюдал в ряде пунктов от г. Серпухова до с. Лопасня, между полотном М.-Курской ж. д. и р. Нарой.

В заключение мне хотелось бы указать на необходимость скорейшего принятия мер к охране двух участков от грядущего их уничтожения. Прежде всего я разумею замечательные места около Лужков на р. Оке, где наблюдается наибольшая для Московской губ. концентрация степной флоры и растительности. В виду того, что как-раз на наиболее интересных участках выделены „леса местного значения“, а с другой стороны в самое последнее время крестьяне стали распахать степные луга, этим „классическим местам“ стала грозить серьезная опасность. Вдобавок заметим, что тут же провели линию „Каширстроая“, которая отняла часть „классических мест“. Производимая распашка степных лугов дает и будет давать только отрицательные результаты: ассоциации „типчаковая“ и „разнотравно-типчаковая“, участки которой распахиваются здесь, являются самыми верхними, ксерофитными, а следовательно и бесплодными в хозяйственном отношении членами экологического ряда заливных лугов р. Оки, и уже в силу этого они не дадут ожидаемого эффекта. Кроме того, при распашке, упускается из вида то, что указанные ассоциации расположены на дюнных песках, и всякое разрушение типчакового дерна и тонкого почвенного слоя неминуемо приведет и фактически приводит к заносу поймы песком. В силу такого „использования“ лугов мы наблюдаем в последнее время (автор изучал район Лужков 5 лет) быстрое увеличение песчаных пространств и ухудшение окружающих лугов благодаря заносу их песком.

Мы полагаем, что настало время, когда нужно особенно энергично действовать на наши земельные органы, чтобы сохранить от исчезновения эти исключительно интересные в научном отношении места. Практически это вполне осуществимо. Леса местного значения крестьян с. Лужки можно перенести в другое место — напр. к западу от с. Лужки. Взамен же степных малоукосных лугов — дать крестьянам луга из госфонда, которые тут же находятся и расположены в центральной и прирусловой части поймы р. Оки, что против д. Пушино. В виду малой населенности района Лужков и в виду обширности угодий (луговых и лесных) мера эта не затрагивает интересов крестьян других обществ. Т. о. конфликты этого рода, столь обычные при выделении наших заказников, здесь отпадают. Сами же крестьяне с. Лужков получают значительно лучшие луговые и лесные площади. Выделение заказника можно связать с организацией на месте научно-исследовательской станции или, по крайней мере, экскурсионной базы, т. к. Лужки уже 40 лет привлекают ежегодно не малое количество экскурсантов из Москвы, а в последнее время и из г. Серпухова.

Второе место — это Отрадинская лесная дача Туровского л. ва. Она находится к юго-востоку от д. Новинки и расположена в центре „лопаснинского елового острова“. Дача являет наилучший образец ельников и сосно-ельников Серпуховского у., а может быть и всей

Московской губ. Возраст насаждений здесь различен. Есть участки, где древостой представлен эк-рами в 100—150 лет и есть отдельные деревья до 200 лет. Эксплоатация этого массива, в виду удаленности от жел. дороги, затруднена, почему дача удобна под заказник. Здесь возможно выделить площадь в 100, примерно, десятин, которая вместе с окружающими лесами будет представлять южные ельники, находящиеся близ своей южной границы и связанные с дубовым типом.

При малой изученности ельников вообще и при почти полном отсутствии материала по южной еловой окраине, стационарное типологическое (синэкологическое) изучение этого массива, соединенное с лесоводственным, может дать ценнейший материал как в научном отношении так и в отношении ведения лесного хозяйства в Серпуховском уезде.

Принятие мер к охране этого массива диктуется крайней нашей бедностью лесами и катастрофическим уничтожением нормальных ненарушенных площадей за время войны и революции. Можно сказать, что еловый тип в Московской губ., прежде столь распространенный, становится в настоящее время прямо-таки исчезающей формацией.

П. А. Смирнов.

Распространение малого подорлика *Aquila pomarina* Brehm в Московской губ.

По материалам преимущественно Кружка Юных Биологов Московского Зоопарка.

До настоящего времени фактические сведения о распространении малого подорлика в пределах Московской губернии ограничиваются данными Лоренца ¹⁾ добывшего взрослый экземпляр в Дмитровском уезде и проф. С. И. Огнева наблюдавшего в 1908, 1909 и 1910 годах гнездование пары этих орлов в удельном Тестовском лесу в 5 верстах от города Можайска ²⁾.

Нам удалось получить следующие данные:

1) 2. VIII. 24 года экскурсией Кружка Юных Биологов Московского Зоопарка найдено гнездо в Дмитровском уезде на левом берегу реки Сестры близ деревень Спиридково и Козелки ³⁾ Гнездо помещалось в крупном смешанном лесу, шагах в 60 от опушки и 75 от полусухого „горелого“ болота—охотничьих районов подорликов. Гнездо было расположено на высоте 12 м. и занимало чрезвычайно удобную развилку ели, между двумя расходящимися в этом месте основными стволами и четырьмя толстыми ветвями—в месте, где когда то была сломана вершина дерева. Соответствуя расположению ветвей, гнездо было овальной формы и имело 1,33 м. в длину, 1 м. в ширину и 0.25 м. в толщину. Сделанное из сучьев ели (до 1.5 см. толщиной), промежутки между которыми были плотно забиты опавшей с них хвоей, оно имело компактный вид и, даже на краю, свободно выдерживало стоящего человека. Гнездо было плоско (без лотка) и только по краям было обложено свежими веточками осины, что вообще любят делать некоторые хищные птицы. Верхний слой гнезда, примерно на 3—4 см., состоял из погадок различной свежести. Более старые погадки, деформировавшись, дали мягкую подстилку из шерсти. Гнездо очевидно, занимается из года в год, на что указывают ясно видимые годовичные прослойки. Из гнезда нами взят вполне оперившийся, хорошо упитанный птенец, доставленный в Московский Зоопарк. Погадки, в числе 8 штук, были проанализированы В. С. Стахановым; в них оказалось: полевок обыкновенных *Microtus arvalis* Pall. 12 экз.

Землероек обыкновенных—*Sorex araneus* 4 экз.

Одно неопределенное мелкое млекопитающее, несколько жу-желиц и навозник—*Geotrupes silvaticus*—1 экз.

¹⁾ Lorenz Th. „Die Vögel des Moskauer Gouvernements“. Bull. Société Imper. de Natural. de Moscou, 1893 г., с. 348—349.

²⁾ Огнев С. И. „Орнитологические наблюдения в Московской губ. Орнитологический Вестник 1911. № 2 с. 11.

³⁾ Вкратце сведения о этом гнездовании опубликованы П. А. Мантейфель в статье о птицах в путеводителе „Московский Зоосад“. 1924 г. с. 34.

На краю гнезда лежала нетронутой полевка, *Microtus arvalis* Pall, принесенная при нас взрослым подорликом. С поразительной ловкостью пролетела эта крупная лесная птица сквозь чащу вершин строевого леса и безшумно опустилась на толстую ветку рядом с гнездом. Птенец-орленок сейчас же подбежал к краю гнезда, куда, не распуская крыльев, перескочил, с полевкой в лапе, подорлик. Дальнейшие наблюдения были внезапно прерваны: под ногой одного из наблюдателей хрустнул сучек, птица сейчас же нырнула вниз и ловко лавируя в чаще, появилась вскоре высоко над гнездом. Потом был замечен и второй подорлик. Во время измерений гнезда и спуска с него птенца, оба родителя стояли неподвижно на громадной высоте, не двигая крыльями.

Они появились также и над нашей стоянкой, не спускаясь однако ниже 500—700 м. Кроме мышинной шерсти, в гнезде удалось обнаружить один позвонок белки, но никаких остатков птиц не было найдено. Очевидно, эти орлы питались преимущественно грызунами, отчасти землеройками и насекомыми. Принимая во внимание, что суточная порция этого орла равна 600 гр. телятины в сутки (по данным М. Зоопарка) и считая вес взрослой полевки в 20 гр., можно говорить о значительной пользе этих хищников, как истребителей „мышей“, для сельского хозяйства ¹⁾. В болоте, рядом с гнездом подорликов, наблюдалось большое количество выводков чирков-свистунков, на которых пролетавшие к гнезду и от гнезда, орлы не обращали внимания. Тут же на опушке леса было много голубей-витютней, которых эти орлы не преследовали. В Московском Зоопарке, малые подорлики, помещаясь летом в общей вольере с сороками, сойками, воронами и др. птицами, никогда не проявляют агрессивных намерений.

Интересно отметить, что в глубине гнезда, у основания развилки дерева, был обнаружен муравейник темных мелких муравьев (*Larvus niger* L.), имевших там куколки и яйца. Очевидно, это была изолированная колония, питавшаяся, вероятно, остатками корма орленка. По сообщению П. А. Новикова, определившего этого муравья, подобная микро-станция представляет значительный интерес, т. к. до сих пор была указана лишь для тропических форм.

Очевидно, аналогичный факт наблюдался нами 28. VIII. 28 г. в Центральной Сибири на реке Кан. В горной дикой тайге, в громадном пустом гнезде хищника, помещавшемся на ольхе, был замечен седоголовый дятел, *Picus canus biedermani* Hese, сидевший на дне гнезда и что-то склевывавший. Потревоженный, этот дятел поднялся по стволу и был застрелен. В желудке его оказалось более 150 экземпляров муравья *Formica uralensis* Ruzsky, определенных В. В. Карповым. Совершенно свежие, неповрежденные муравьи были в пищевode и переднем отделе желудка. К сожалению, влезть на дерево и посмотреть муравейник не представлялось возможным. Нахождение колоний муравьев в старых гнездах хищных птиц не представляет, вероятно, редкости, так как не раз замечалось нами в ряде гнезд на разных высотах.

2) 12. VIII. 25 года из тех же мест Дмитровского уезда в Москов. Зоопарк был подарен молодой *Aquila pomarina* Brehm, взятый из гнезда.

¹⁾ С. И. Огнев в указанной статье о питании молодых малых подорликов пишет: „старые птицы приблизительно каждые 2 часа таскают птенцам корм, состоящий главным образом из полевок (*Evotomys hercynicus* Mahlis, *Microtus arvalis* L.) и мышей (*Microtus agorius* L. *Mus Sylvaticus* L.). Кроме мелких грызунов орлы охотно ловят лягушек, а иногда и довольно крупных птиц“.

3) 6. IX. 26 г. пионерский отряд доставил в Зоопарк молодого малого подорлика, взятого из гнезда в Дмитров. уезде в окрест. ст. Влахернская.

4) 10. IX. 28 г. нелетающий молодой подорлик был пойман в Волоколамском уезде, Калеевской волости, в окр. д. Фодеево. Орленок сидел на земле, под сосной на которой помещалось гнездо. Через день он стал летать. Он был хорошо упитан и оперен.

5) Проф. С. И. Огнев любезно сообщил нам, что 20. IV. 24 года взрослый *ô Aquila romana Brehm* был добыт К. Флеровым в Дмитровском уезде, на правом берегу р. Якоти близ Кузнецовского фарфорового завода, во время тяги. Шкурка этого орла хранится в коллекции Зоологического Музея I М.Г.У. За доставленные сведения пользуемся случаем выразить С. И. Огневу глубокую благодарность.

Наши подорлики (3 и 4) достаточно поздно покинули свои гнезда ¹⁾. Недостаток питания значительно задерживает рост орлят. Так 28/VII-24 по течению р. Яхромы нами было найдено гнездо большого подорлика *Aquila maculata Gm.*, с чрезвычайно истощенным птенцом, имевшим плохое оперение и недоразвитые крылья и хвост. Причиной этого оказалась пара соколов—чеглоков, *Falco subbuteo L.*, гнездившихся недалеко от подорликов. Взрослые орлы, летя с добычей к гнезду, каждый раз подвергались нападению этих ловких хищников, начинавших преследование еще далеко от гнезда. С молниеносной быстротой набрасывались чеглоки сверху и вынуждали защищающегося подорлика бросать добычу и с криком искать спасения в чаще леса. В этих воздушных сражениях подорлик, по сравнению с соколом, казался неловкой, неповоротливой птицей. Изредка, перед ударом сокола, подорлик переворачивался в воздухе через крыло на спину, выставляя когти и заставляя чеглока резко изменить направление и пронестись мимо. Подобные воздушные заставы, связанные с совпадением охотничьих участков, очень затрудняют доставку корма голодающему птенцу.

Осенний пролет наблюдался в конце августа и начале сентября. В северных частях губернии путь пролета приурочен к линиям железных дорог, особенно Савеловской ж. д. Во время пролета, на утренней заре, можно наблюдать подорликов, тянущих на значительной высоте вдоль полотна ж. д. к югу. Вне линии ж. д. пролет выражен очень слабо. Подорлики летят или парами в которых один орел держится на значительном расстоянии один от другого, или поодиночке, с промежутками в несколько километров.

В Зоопарке подорлики (большие и малые) на зиму убираются в закрытое помещение, так как уже при -15° они склонны отмораживать крылья, а иногда и ноги. Отмерзание крыльев характерно для птиц, у которых крылья не прилегают плотно к телу и боковые перья не достаточно длинные, чтобы прикрыть контур сложенного крыла (подорлик, орел карлик, коршун, в меньшей степени канюк). Типичные зимующие хищники (ястреб-тетеревятник, филин) имеют плотно прижатые к телу крылья, укрытые с боков длинными мягкими перьями. Это хороший пример различной „экологической валентности“ хищных птиц.

¹⁾ С. И. Огнев в уже цитированной статье пишет: „так вылет из гнезда я наблюдал лишь в конце июля и в начале августа (4. VIII. 10)“ — это 17. VIII. 10 г. по новому стилю, по которому даны все наши данные. Авт.

За указанные 4 года в Зоопарк из пределов Московской губ. поступило 6 экз. большого подорлика *Aquila maculata* Gm. и 4 экз. малого *A. pomarina* Brehm. Можно считать установленным, что в настоящее время малый подорлик, наравне с большим *A. maculata* Gm. является регулярно гнездящейся птицей Московской губ.

Скудность сведений о гнездовании *Aquila pomarina* Brehm. в прежние годы можно объяснить или просмотром этой формы, принимая во внимание трудность коллектирования, или, что нам кажется более вероятным, — тенденцией этого западного вида к расселению на восток.

В последнее время С. А. Бутурлин ¹⁾ высказал мнение, что малый подорлик является лишь западной географической расой типичной формы подорлика большого *A. maculata* Gm.

В живом виде эти две птицы резко отличаются как голосом, так и повадками. Также разнятся и пластические признаки, и нам кажется, что нет достаточных оснований для отнесения малого подорлика к географической расе (subspecies) подорлика большого. Если же учесть значительное совпадение их гнездовых ореалов и общее параллельное направление изменчивости этих видов ²⁾ то видовые значения этих двух орлов правильнее было бы сохранить.

П. А. Мантейфель и С. С. Фолитарек.

¹⁾ С. А. Бутурлин. Определитель видов птиц СССР, их подвиды, распространение, польза и вред для хозяйства. Вып. первый „Дневные хищники и совы“. Книгосоюз. 1928 г., стр. 79—80.

²⁾ См. С. И. Огнев и К. А. Воробьев. „Фауна позвоночных Воронежской губ. Новая Деревня. Москва 1924 г. стр. 191.

Х Р О Н И К А

Отчет о деятельности Об-ва изучения Московской губернии
с 1/I—1928 г. по 1/I—1929 г.

Положение Об-ва Изучения Московской губернии в центре страны, в ее столице, Москве, создает условия для работы, резко отличающие ее от аналогичной работы краеведческих обществ, расположенных в менее крупных центрах, но родственных по своим задачам и целям Об-ву Изучения Московской губернии.

Наличие в Москве крупных научных сил, оборудованных лабораторий, библиотек, музеев, станций, архивных хранилищ и т. п. учреждений, казалось бы, создает чрезвычайно благоприятные условия для развертывания работы Об-ва. Однако грандиозность и широта задач центральных учреждений находящихся в Москве и ставящих своей задачей изучение страны в целом, отвлекает многочисленные кадры исследователей Москвы, которые при иных условиях могли бы быть вовлечены в активную работу Об-ва от тех скромных задач по сравнению с задачами центральных научных учреждений, которые осуществляет в своей работе Об-во Изучения Московской губернии.

В этом отношении губернские краеведческие об-ва, находящиеся в губернских центрах страны имеют огромные преимущества по сравнению с Об-вом Изучения Московской губернии. Несмотря на немногочисленность кадров исследователей, отсутствие хорошо оборудованных вспомогательных учреждений эти об-ва имеют то преимущество, что они совместно с музеями нередко являются теми единственными научными центрами вокруг которых объединяются все живые научные силы этих центров. Жизненность проблемы краеведения в этих центрах не заслоняется иными более широкими задачами. И все это способствует оживлению и укреплению краеведческой работы Об-ва.

Специфические условия обстановки, в которых протекает работа Об-ва Изучения Московской губернии, накладывают несколько иные задачи и определяют другие пути для Об-ва по сравнению с краеведческими организациями страны. Указанное положение вещей хорошо учитывало Об-во вступая в 4-ый год своего существования.

Об-во сознавало, что основной задачей его деятельности является не столько проведение самостоятельных исследований, организация экспедиционных работ, которые составляют основную сущность работы других краеведческих об-в, сколько объединение исследователей, работающих над изучением различных сторон Московской губ., и рассеянных в различных учреждениях и организациях Москвы, по поручению и под флагом которых они проводят эти исследования. В силу этого в центре своего внимания Об-во поставило работу Секций Об-ва, вокруг которых и объединялись указанные исследователи. На заседаниях Секций нередко докладывались планы предстоящих работ и подводились итоги производившимся исследованиям и изучением. С этой целью весьма большое внимание было уделено Об-вом расширению издательской деятельности, ибо Об-во хорошо сознавало, что эта сторона работы способствует объединению работников и стимулирует их к дальнейшим исследованиям.

В тесной связи с отмеченной стороной деятельности Об-ва стоят его попытки организовать специальный научный съезд по изучению Московской губернии, на котором могли бы быть подведены итоги изучения Московской губернии и намечены дальнейшие пути работ в указанной области.

Другой задачей также стоявшей в числе основных задач деятельности Об-ва являлось установление тесных связей с научными силами губернии, объединенными вокруг филиалов Об-ва, уездных научных об-ств и музеев местного края, расположенных на территории Московской губернии. Об-во стремилось также связать эти силы с московскими исследователями работающими над теми же вопросами, над которыми работают эти исследователи.

Наконец, большое внимание было уделено Об-вом нормальному функционированию Кабинета Краеведения, созданию которого способствовало Об-во, и Музею Ц. П. О. как учреждениям, работа которых соприкасается и переплетается с работой

Об-ва. Об-во стремилось согласовать план своей работы с планами этих учреждений, хорошо понимая, что укрепление этих организаций будет способствовать углублению работы по изучению Московской губернии. Работа этих учреждений являлась предметом постоянных забот Об-ва и к ним Об-во неоднократно возвращалось на ряде своих заседаний.

Отдельные стороны изучения губернии, к которым приковывалось особое внимание Об-ва, выделялись из работы Секций Об-ва. Путем организации специальных комиссий объединялись те работники Об-ва, которые занимались изучением этих вопросов.

Однако, далеко не все стороны изучения губернии было достаточно обслужены Об-вом и параллельно работавшими Секциями. Об-во обсуждало и вело организационную работу по созданию новых Секций, которые должны были заполнить отмеченный пробел в работе Об-ва.

Об-во весьма чутко реагировало на потребности, предъявляемые новой жизнью. И в тех случаях, когда выявлялась необходимость общественной поддержки, Об-во, как общественная организация, несмотря на ограниченные рамки своей деятельности, несколько расширяло их и включало в круг своей деятельности обслуживание отдельных сторон этой жизни. Таким расширением сферы работы Об-ва является организация особой комиссии по охране могил выдающихся деятелей (Кладбищенская Комиссия), потребность в которой была подсказана жизнью и которую пришлось учредить в недрах Об-ва.

Успеху работы Об-ва способствовало все большее признание важности проблемы краеведения со стороны государственных, хозяйственных и иных органов и широкой советской общественности. Все это создавало обстановку благоприятную для проводившейся работы.

4-й год работы Об-ва начался вскоре после прошедшей 3-й Всероссийской Краеведческой конференции, на которой проблема краеведения нашла весьма широкое и углубленное обсуждение. В работах конференции Общество принимало живое участие, тесно связавшись затем в работе с новым составом Ц.Б.К., выделенным конференцией.

В течение отчетного года оформилась также связь Об-ва с руководящими советскими организациями. Согласно постановлению Моссовета, субсидирование Об-ва перешло в М.О.Н.О. с ответственными руководителями последнего, Обществом были согласованы принципиальные основы своей работы и намечено общее направление и пути дальнейшей работы. Укрепление материальной базы Об-ва, проведенное М.О.Н.О., дает возможность дальнейшего расширения и углубления работы Об-ва.

Областное районирование, образование М.П.О., ставят перед Об-вом новые задачи,

осуществление которых должно войти в программу предстоящей деятельности Об-ва.

В результате деятельности Об-ва за 1928 г. выдвинулись новые вопросы, которые станут предметом обсуждения руководящих органов Об-ва, которые будут руководить работой Об-ва в 1929 году.

Необходимо отметить, что на ряду с вопросами, разрешенными успешно Об-вом в прошедшем году, ряд проблем еще только поставлен Об-вом (о массовой работе по краеведению, о школьном краеведении и т. д.) и они будучи включенными в программу деятельности Об-ва на 1929 г. должны будут сыграть весьма существенную роль в дальнейшей работе Об-ва.

Состав Об-ва.

На 1 января 1929 г. зарегистрировано 525 членов. Из них женщины 180, мужчин 345. По роду занятий члены Об-ва разделяются следующим образом: научных работников, профессоров—35%, служащих, педагогов, учащихся и др.—65%. В это число не включены члены отделений Об-ва, регистрация которых проводится в настоящее время.

Организационная структура Общества.

В отчетном году работали следующие Секции и Комиссии:

Секции: 1) Естественно-Историческая, 2) Культурно-Историческая, 3) „Старая, Москва“, 4) Общественно-Экономическая.

Комитет по охране могил выдающихся лиц.

Комиссии:—1) Издательская, 2) Картографическая, 3) По охране природы, 4) По составлению Географического словаря, 5) По организации научного съезда губернии, 6) по организации работы в Парке Культуры и Отдыха, 7) По осмотрам архитектурных памятников, 8) По декабризму, 9) Пушкинская, 10) по Составлению Словаря Краеведов Московской губернии, 11) Протокольная при „Старой Москве“, 12) эпиграфическая, 13) Кладбищенская, 14) Мемориальная и 15) Особое совещание по увековечению памяти А. С. Грибоедова.

Аппарат Об-ва. Постоянный рабочий аппарат состоит из ученого секретаря, технического секретаря и машинистки.

Помещение Об-ва, в котором помещается канцелярия Об-ва, находится в здании Моссовета. Заседания Об-ва созывались в помещениях Московского Губплана и Государственного Исторического Музея.

Нужно отметить, что помещение Об-ва является весьма неприспособленным и не удовлетворяет тем потребностям, которые предъявляются к нему.

Филиалы Об-ва. На 1-е Января 1929 г. работали следующие уездные отделения

Об-ва:—Ленинское, Дмитровское, Воскресенское, Звенигородское, Можайское, Раменское, Каширское, Серпуховское. Организуются — Егорьевское, Волоколамское, Московское.

В Сергиеве, Орехове-Зуеве, Коломне, Клину существуют Об-ва при Исполкомах. На очереди стоит вопрос о перерегистрации их филиалами Губ. Об-ва.

Состав руководящих органов Об-ва.

Правление Об-ва было избрано на годовичном собрании Об-ва, состоявшемся 14/1—1928 г. в следующем составе:—Б. Б. Веселовский, Н. Н. Гагарина, Н. А. Гейнике, А. Н. Демме, Н. А. Дорогутин, Н. С. Елагин, И. А. Здановский, Х. А. Зеленский, Н. Г. Иванов, Н. И. Карапин, И. Г. Клубуновский, А. П. Левицкий, Е. И. Лукьянская, П. Н. Миллер, В. Н. Мордвинова, Н. Н. Мордвинова, С. И. Попов, Е. С. Радченко, К. А. Соловьев, П. В. Сытин, М. Я. Феноменов, Д. И. Шаховской.

В состав Ревизионной Комиссии на том же Годичном Собрании были выбраны: Я. К. Рович, А. Ф. Родин, А. В. Савинский, Е. В. Сосенкова, А. А. Устинов, В. Н. Хмелев, Н. А. Шнерсон. В состав Ревизионной Комиссии в течение года были кооптированы—Т. С. Чернацкий, А. А. Губарев, т. к. члены Ревизионной Комиссии живущие вне Москвы не имели возможности принимать участия в ее работе. Председателем Комиссии состоял—А. Ф. Родин.

Президиум Об-ва. Председателем Об-ва был переизбран Б. Б. Веселовский, Зам. Председ. А. П. Левицкий и П. Н. Миллер. Казначеем—П. В. Сытин, членом Президиума Об-ва завед. издательством Об-ва был избран Н. А. Дорогутин.

На должность ученого Секретаря был кооптирован К. Ф. Некрасов с 27/1—по 1/IV—28 г., а по его уходе за болезнью Б. И. Клушин, исполнявший обязанности ученого Секретаря с 15/V—по 1/X—1928 г.

Деятельность Правления Об-ва. За отчетный период состоялось 12 заседаний, на которых присутствовало 129 чел., в среднем 11 чел. и 2 расширенных заседания, на которых присутствовало 118 чел.

Правление ведало всей организационной, финансовой, административной и хозяйственной частью и руководило научно-исследовательской работой, заслушивая и утверждая планы научно-исследовательских работ Секций, изыскивая и отпуская на их проведение необходимые средства и содействуя их организации.

На своих заседаниях Правление обсуждало следующие вопросы: 1) О распределении работы среди членов Правления; 2) О плане работ на 1928 г.; 3) О научном съезде губернии; 4) О руководстве краеведческой работой М.О.Н.О.; 5) О задачах и работе Об-ва в связи с мероприя-

тиями М.О.Н.О. по укреплению и развитию краеведческой работы губернии; 6) О планах и работе Секций в связи с их постановлениями; 7) О работе Кабинета Краеведения; 8) О краеведческой работе на территории Парка Культуры и Отдыха; 9) Информационные сообщения о краев. работе в губернии; 10) Об издательской работе Об-ва; 11) О заседаниях с представителями уездных организаций; 12) Об отчетном собрании Об-ва и отчетных заседаниях уездных обществ; 13) Об областном краеведческом музее; 14) О работе Комитета по охране могил выдающихся лиц и специальной Кладбищенской Комиссии и ряд других.

Расширенные заседания Правления.

В связи с постановлением годовичного собрания Об-ва от 14 января организованы были 2 расширенных заседания с представителями уездных общественных организаций, на которых присутствовало 118 чел. На заседании 24 февраля 1928 г. поставлен был вопрос о расширении и углублении работы краеведческой сети губ. и развитии низовых краеведческих ячеек, вызвавший горячий обмен мнениями. Среди принятых постановлений собрание отметило необходимость:

- 1) Обратит внимание краеведного Бюро Губпроса на отход учительства от краеведческой работы;
- 2) Признать необходимым учитывать краеведческую работу учительства как работу общественную;
- 3) Обратит внимание МОНО на желательность большего вовлечения в краеведческую работу учительства;
- 4) Признать необходимым расширение и углубление работы краеведческой сети губернии;
- 5) Признать необходимым развитие сети волостных объединений с установлением возможно тесной увязки в работе Уездных Об-ств и волостных объединений.

Большое внимание было уделено вопросу о созыве научного съезда губернии. В связи с этим Собрание постановило: а) считать необходимым созвать съезд в конце апреля 1928 г., б) признавая дробление работ съезда на большое количество секций не желательным, остановиться на 2-х секциях; в) доклады должны иметь научно-практический характер и дать руководящее направление научно-исследовательской и краеведческой работе; г) признать необходимым организацию выставки, построив ее по темам и докладам; д) считать обязательным издание трудов съезда.

3—4 ноября 1928 г. на расширенном заседании были обсуждены следующие доклады:

Б. Б. Веселовский: О краеведческой работе в губернии.

Е. С. Радченко: Монографическое исследование с. Бужарова, Воскресенского уезда.

Н. П. Никитин: Сообщение о районировании Ц.П.О.

В. В. Токарев: Экономические районы и проект административно-низового районирования по Московской губернии.

1-ый доклад выяснил общее положение краеведческой работы губ., возглавление ее М.О.Н.О. и объединение ее по линии общественной через Об-во Изучения Московской губернии. Докладчик напомнил о предстоящей организации научного краеведческого совета при МОНО с целью объединения и планирования научно-исследовательской работы губернии. Переходя непосредственно к работе губ. Об-ва Б. Б. Веселовский отметил организационную работу по созданию новых секций О-ва „Школьной“ и „Новой Москвы“ связанных с вовлечением новых широких кругов в практическую краеведческую работу. В докладе отведено было определенное место вопросу о музее Центрально-Промышленной Области, которому предстоит стать центром музейной работы вновь создающейся области.

По докладу были вынесены следующие постановления: а) об увязке работы Школьно-методической Секции с Губполитпросветом; б) об ускорении организации Губернского Краеведческого Совета; в) о необходимости организовать уездные краеведческие совещания; г) просить МОНО при комплектовании библиотек учесть краеведческую литературу; д) поручить секциям составить списки краеведческой литературы для библиотек и читален.

Е. С. Радченко в своем докладе выявила два момента из жизни селения, монографически обследованного коллективом местных краеведов и студентов (руковод. Е. С. Радченко) по программам, разработанным Экономической Секцией и субсидированных О-вом.

По докладу были приняты следующие постановления: а) признать крайне желательным и необходимым издание работы Е. С. Радченко по монографическому обследованию с. Бужарова; б) признать необходимым проработку вопросов изучения быта поручив это Культурно-Исторической Секции; в) поручить Экономической Секции проработать методологические вопросы, возникшие в связи с монографическим обследованием селений.

Доклады Н. П. Никитина и В. В. Токарева затронули животрепещущие для местных работников вопросы. Краеведами внесен ряд коррективов к намечавшимся проектам округов и районов.

Собрание постановило: дать в „Московском краеведе“ статьи по районированию, просить работников мест сделать на местах соответствующие сообщения и поставить их на обсуждение и сообщить Об-ву результат.

Информационные сообщения о ведущейся краеведческой работе были сделаны Звенигородским, Волоколамским, Ленинским, Дмитровским О-вами.

Ревизионная комиссия собиралась 6 раз. Ею была произведена проверка денежной отчетности, осуществленных мероприятий по издательству и рассмотрен ряд вопросов связанных с работой Об-ва.

Перерегистрация Устава Общества.

Согласно ст. 3 постановления В.Ц.И.К. и С.Н.К. РСФСР от 6-го февраля 1928 г. об утверждении положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли, и инструкции Н.К.В.Д. от 1-го Августа за № 248 Об-во перерегистровало свой устав, изменив его соответственно типовому Уставу (НКВД). Предварительная работа была проделана Ф. А. Кублицким. Окончательная редакция Устава проведена Комиссией в составе—Ф. А. Кублицкого, Л. А. Виноградова, Д. И. Шаховского, П. Н. Миллера (представители центра), В. Н. Мордвиновой (уездное Об-во), С. И. Попова (волостн. объедин).

По утверждении Устава АОМГИК'ом—2 января 1929 г. с него было снято 15 копий, заверенных нотариальным порядком. Копии эти пересланы в Уездные организации для перерегистрации их в местных административных учреждениях.

Научная работа Общества.

Научная работа Об-ва выявлялась на заседаниях Об-ва в его Секциях и Комиссиях. За отчетный год проведено более 200 заседаний, на которых присутствовало более 8.000 человек. В это число не включены осмотры — экскурсий, привлекшие 1.300 чел. Сюда же надо отнести обращение в Секретариат Об-ва по текущей работе Правления, Секций, Комиссий, запросы, справки, и т. д. и т. д. Посещений бывает ежедневно от 5 до 11 человек, что составляет в среднем в год (300 дней по 5 чел.)—1.500.

Секции Общества.

Секции разрабатывали план научно-исследовательской работы, проводили исследования, утвержденные Правлением, выявляли результаты их в докладах на заседаниях и подготавливали материалы к печати.

Естественно-историческая Секция.

Председатель—В. В. Алехин, Зам. Председателя—И. А. Здановский, Секретари—Ю. П. Карпинский и В. В. Карпов.

За отчетный год состоялось 9 заседаний Секции, на которых были заслушаны следующие 9 докладов:

1. А. В. Кожевников и С. И. Исав: Фенологическая характеристика растительных ассоциаций.
2. С. В. Кац: Два замечательных болота на севере Московской губ.
3. В. В. Алехин: Географическое распространение анемоны по Москов. губ.
4. И. А. Здановский: Задачи фенологических наблюдений в Московской губ.
5. Н. Н. Луцких: Полезные ископаемые Московской губ.

6. Е. Н. Биндеман: Геологическое строение Сергиевского уезда.

7. Ю. П. Карпинский и Н. И. Николаев: Послетретичные отложения района Одинцова.

8. Г. Ф. Малявкин: Сообщение о гипсометрических работах по Москов. губ.

9. В. В. Алехин: Результаты фенологической анкеты весны 1928 г.

За отчетный год секция провела следующие работы: 1) Организованы были семинарии: а) по геологии и полезным ископаемым с целью инструктажа местных краеведов по основным навыкам полевой геологической работы и б) по геоботанике для ознакомления краеведов с основными методами геоботанических исследований и методами определения растений.

Семинарий по геоботанике был проведен В. В. Алехиным и А. А. Урановым. Занятия происходили в лаборатории I М.Г.У.

Геологический семинарий проводился на местах (Звенигородский, Дмитровский, Московский у.у. и Ухтомская вол.). (См. „Московский Краевед“ вып. 5).

На средства Об-ва проведена была научно-исследовательская работа: а) по геологии в районе Одинцова—руковод. Ю. П. Карпинский, б) по выявлению местонахождений выхухоля в восточной части Московской губ.—руковод. В. В. Карпов, в) по фауне Каширского уезда—членами Каширского Об-ва—руковод. В. О. Глинды и ч.

Материал по геологическому обследованию обработан и доложен на заседании Секции и в настоящее время подготовлен к печати.

Результаты остальных исследований будут доложены в ближайшее время.

Большая коллективная работа проведена по весенним фенологическим наблюдениям. Секцией разработана была анкета, которую Правление разослало во все уездные организации. Это начинание увенчалось успехом, так как ответов поступило 50, и мы, таким образом, имеем определенные опорные пункты для продолжения наблюдений. Поступившие ответы были обработаны В. В. Алехиным, сообщившим о результатах на заседании Секции. Обработка дала возможность сделать некоторые выводы как в отношении дальнейшей работы, так и настоящего наблюдения.

Ряд докладов, сделанных на заседаниях Секции, был напечатан в „Московском Краеведе“. Помимо этого, Секцией готовится к печати ряд материалов, которые составят содержание специального сборника „Трудов общества“.

Необходимо отметить также ведущую работу по составлению библиографии литературы по естествознанию Московской губ. Членом Секции И. А. Здановским передана в О-во карточек из 500 карточек по всем разрезам естествознания. Карточка Н. Н. Лушicina по геологии губернии содержит 300 карточек с подробными аннотациями.

Культурно-историческая секция.

Председатель — И. И. Полосин, Зам. Председателя—М. Я. Феноменов, Члены Президиума—С. В. Бахрушин и П. Н. Миллер, Секретари—Б. Б. Кафенгауз и С. П. Толстов.

В отчетном году состоялось 11 заседаний, посвященных заслушиванию научных докладов среди которых первое место (5 докладов), занимали темы из истории сельского населения, второе — по истории промышленности (2 доклада), затем по истории населения и проч.

Всего заслушано 14 докладов:

1. О. А. Шестакова: Текстильная промышленность в прошлом и настоящем Серпуховского уезда.

2. М. Н. Тихомиров: Села и деревни Дмитровского Края в XV и XVI вв.

3. К. В. Сивков: Подмосковная вотчина середины XVIII века.

4. Б. А. Куфтин: Изба „пряха“ и „непряха“ Московского Края.

5. В. М. Колобов: Детали крестьянского жилища Моск. губ.

6. Дударева: Архив семьи Сырейщиковых.

7. В. А. Городцов: Раскопки Каширского городища.

8. Н. И. Власьев: Город Руза (исторический очерк).

9. Н. Г. Канатчиков: Село Купавна (Богородского уезда, Московской губ.), его фабрики. Их история и экономика.

10. А. В. Введенская: Проекты перепланировки и перестройки русской дер. в XVIII веке и первой пол. XIX в.

11. М. Н. Тихомиров: Место битвы при реке Веле в 1181 г.

12. Е. А. Звягинцев: Рост населения Московских слобод в XVII веке.

13. К. В. Сивков: Суконная фабрика в Архангельском.

Одно из своих заседаний Секция устроила совместно с Этнологической Комиссией Госуд. Акад. Истории Материальной Культуры. На нем были заслушаны и обсуждены доклады, обозначенные под №№ 4 и 5, другое заседание было совместным с Секцией „Старая Москва“ (с докладом Н. Г. Канатчикова).

Ряд докладов (Б. А. Куфтина, В. М. Колобова, и др.) напечатаны в „Московском краеведе“.

Кроме того, 1-ый выпуск Трудов Об-ва отведен целиком работам Культурно-Исторической Секции, которые составили сборник „Московский Край в его прошлом“, вышедший под редакцией С. В. Бахрушина в текущем году.

В сборник вошли доклады: М. Н. Тихомирова, А. И. Воронкова, К. В. Сивкова, П. С. Шереметева, Е. А. Звягинцева, Г. А. Новицкого и Б. Б. Кафенгауза.

В настоящее время готовятся к печати работы О. А. Шестаковой: К истории текстильной промышленности

Серпуховского уезда, Н. И. Власьева: История гор. Рузы и ряд других.

Ряд работ сдан Издательской Комиссией на просмотр Президиума Секции. По разделу научно-исследовательских работ Секцией был разработан и утвержден план по изучению: а) истории сел и деревень Дмитровского края; б) жилища и промыслы Волоколамского уезда; в) этнографии Коломенского уезда; г) истории Каширы.

Ответственным руководителем 1-й экспедиции был М. Н. Тихомиров, 2-ой—С. П. Толстов, 3-й—М. Я. Феноменов и 4-й—А. И. Воронков. Результаты этих экспедиций выявлены будут в докладах на заседаниях Секции.

Необходимо отметить работу Президиума Секции по удовлетворению запросов мест. Целый ряд указаний в этом направлении был дан К. В. Сивковым, Б. Б. Кафенгаузем, М. Н. Тихомировым, И. И. Полосиным, К. П. Сперанским, П. Н. Миллером и Н. П. Чулковым.

Секция „Старая Москва“.

Президиум состоял из Председателя—П. Н. Миллера, Заместит.—Н. Р. Левинсона и Н. Д. Виноградова, Секретаря—А. А. Устинова.

Секция широко развернула свою работу по изучению прошлого Москвы. Результаты выявились в докладах, которых было заслушано за год 56.

Доклады сопровождалась тематическими выставками, иллюстрировавшими прошлое Москвы с самых разнообразных сторон.

Заслушаны были следующие доклады:

1. П. Н. Миллер: Одно из сооружений архитектора М. Ф. Казакова. Бутырская тюрьма, ее история и быт.

2. Н. Н. Соболев: Постройка иконостаса в Новодевичьем мон-ре XVII века.

3. Н. П. Кашин: Театр в Архангельском.

4. Э. Ф. Ципельзон-Россиенов: „Старая Москва“ в современных мемуарах.

5. Л. П. Александров: Землетрясения в Московской Руси.

6. Е. З. Баранов: Московские легенды о Пушкине.

7. М. Н. Нечаева-Левинсон: Металлическое кружево, его бытование и производство в Москве в XVII веке.

8. П. А. Атьтгаузен: Немецкая слобода в Москве.

9. Н. П. Розанов: Заиконоспасский монастырь и славяно-греко-латинская академия в Москве.

10. М. Д. Прыгунов: „Прасковья Ивановна Шереметева-Жемчугова“.

11. С. Г. Кара-Мурза: „С. В. Шумский“ (к 50-летию со дня смерти).

12. С. С. Вермель: „Главная московская синагога и ее история“.

13. М. Ю. Глауберман: „Т. Н. Грановский“.

14. Н. М. Черемухина: „Марфино Салтыковых“.

15. Н. М. Аничкова: „Боде-Сологуб“ (Московский быт 80-х г.г. пр. ст. по семейной переписке).

16. Е. А. Звягинцев: Кожевники и их население в XVII и XVIII веках.

Заседание, посвященное памяти И. Н. Евсеева и В. В. Згура. Доклады:

17 и 18. Н. В. Некрасова и И. Н. Жучкова: Воспоминания.

19. И. И. Власов: Иван Федорович Тамес, директор Московской полотняной фабрики в Хамовниках.

20. Н. П. Розанов: К библиографии арх. И. Мичурина.

21. Б. И. Дунаев: Ванька Каин. Московский быт середины XVIII века.

22. М. В. Переплетчиков: Художественная Москва по воспоминаниям.

23. Е. Н. Басова: Дом Степана Борисовича Куракина на Новой Басманной ул.

24. И. Л. Поливанов: Из жизни Москвы в 1-ой пол. XIX века.

25. С. А. Мочалин и К. Я. Виноградов: Деревня Марьино, быв. вотчина Шереметевых. Ее история и эволюция ее хоз-ва.

26. Пушкинское заседание И. Г. Филатов: Годичная деятельность Пушкинской Комиссии.

27. Л. А. Виноградов: А. С. Пушкин в Москве в 1807—11 г.г.

28. П. В. Сытин: Пушечный двор на р. Неглинной.

29. Д. П. Сухов: „Церковь Космы и Дамиана в Старых Панех“.

30. И. Н. Шишков: Купеческий род Вишняковых по мемуарам.

31. Н. П. Розанов: Московские улицы—Петровка, Бол. Дмитровка, Тверская и Мясницкая в XVIII веке.

32. А. А. Круглый: Москва, Яуза, Чичера (происхождение названий).

33. А. Н. Соловьев: Из воспоминаний старого москвича, личные встречи в книжном мире (И. Н. Забелин, Н. А. Бартенев, П. Н. Полевой, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский, К. П. Победоносцев).

34. М. Ю. Глауберман: „Н. Г. Чернышевский“.

35. Васнецовское заседание. В. М. Лобанов: „Васнецов в 90—900 г.г.“.

36. О. В. Португалов: „Авдотьино Новикова“ (к 100-летию со дня смерти).

37. Н. М. Ликин: Подробности отлития и поднятия царь-колокола в Москве.

38. П. П. Розанов: Московские улицы—Тверская и Дмитровка в XVII веке.

39. Г. Ф. Малявкин: Двадцатипятилетие Московской Окружной железной дороги.

40. П. Н. Миллер: „Место будущей Третьяковской галереи“. Историко-топографическая справка.

41. Н. П. Чулков: „Толстой.—Москвич“.

42. Н. Н. Гусев: „Москвич Толстого“.

43. Второе Толстовское заседание. Е. З. Баранов: „Московские легенды о Толстом“.

44. В. В. Шереметевский: Полувековые воспоминания о Подмосковной дачной жизни.

45. Его же: „О В. О. Ключевском“.

46. И. Н. Бондаренко: Савва Иванович Мамонтов и его эпоха.

47. Соединенное заседание Культурно-Исторической Секции и Секции „Старая Москва“. Н. Г. Канатчиков: „Село Купавна“ (Богородского уезда, Московской губ.), его фабрики. Их история и экономика.

48. Г. В. Корсунский: О творчестве Андрея Рублева в связи с иконами „Успения“ (к вопросу о московской школе иконописи).

49. 400-е заседание Секции. А. М. Васнецов: Общественные бани в Москве в XVII в. Демонстрация картины на тему доклада. Выставка.

50. Н. Н. Клейн; Академик Р. И. Клейн (по материалам личного архива).

51. Н. Т. Жугин: „Московский период жизни П. И. Чайковского“.

52. И. В. Воблай: Архитектурные памятники подмосковной Измайлово.

53. К. В. Пигарев: Ф. И. Тютчев в Москве.

54. А. В. Григорьев: Архитектура Москвы в 20-х г.г. 18 века.

55. С. Ф. Плевако: Федор Никифорович Плевако.

56. И. П. Машков: Дома царевичей Грузинских.

Секцией подготовлен материал для сборника по „Старой Москве“.

Секция участвовала в издании Ц.К. Союза Связи „брошюра“ Е. З. Баранова: „Московские легенды“. Вып. I. С предисловием П. Н. Миллера.

Совместно с Музейным П/отд. М.О.Н.О. организовано было открытие доски на доме, где жил П. И. Чайковский.

Из числа членов Секции организован ряд Комиссий¹⁾.

Экономическая секция.

Председатель — Н. П. Никитин. Зам. Председателя — Я. С. Артюхов. Секретари — А. Н. Демме и Е. М. Цветаева. За отчетный период было заслушано 9 докладов.

1. П. А. Дьяконов: Экономическое обследование дачного поселка „Малаховка“.

2. Н. П. Никитин: Яропольская волость Волоколамского уезда. (Опыт экономического описания волости).

3. А. Н. Демме: Крестьянское сельское хозяйство в Московском уезде по материалам статистических работ.

4. Н. И. Шевлягина: Пуговичный промысел Коломенского уезда.

5. А. С. Мочалин и К. Я. Виноградов: Дер. Марьино, быв. вотчина Шереметевых, ее история и эволюция ее хозяйства.

6. Е. В. Воздвиженская: Статистика несчастных случаев гор. Москвы.

7. Е. С. Радченко: Монографическое обследование сел. Бужарово, Воскресенского уезда.

8. Н. П. Никитин: Сообщение о районировании Ц.П.О.

9. В. В. Токарев: Экономические районы и проект административно низового районирования по Московской губернии.

Секцией проведена следующая работа: а) Разработан план и составлена Экономическая карта Московской губернии. Издание осуществлено Картографическим Отделом Н.К.В.Д. на средства, отпущенные М.О.Н.О. б) В отчетном году закончились работы по монографическому обследованию ряда селений в Моск. губ.

Руководители работ по с. Бужарово и Сорокино — Е. С. Радченко и Н. П. Адрианова подготовили материал к печати.

Секция разработала план обследования трех подмосковных селений различных типов: а) с развитым огородным и садовым промыслом (д. Зюзино), б) с цветоводством (с. Марьино) и в) с. Никольское-Архангельское где имеется фабрика. Обследование будет проведено под руководством Президиума Секции силами местных работников — организующих на месте краеведческий кружок и студентами Института Народного Хозяйства им. Плеханова и 2 М.Г.У. Председатель Экономической Секции приглашен консультантом в Бюро по районированию при Губплане.

Комиссии общества.

Комиссии Об-ва выделялись по определенному заданию, при чем в состав их входили как представители Секций, так и лица, выразившие желание работать в данной области. По мере развертывания работы расширяется и число участников.

Комиссия по охране природы.

Обсуждала вопрос о сети заказников Московской губернии, на основе их равномерного распределения (Елагин Н. С.), и районов, установленных результатами геоботанических исследований (В. В. Алексин). Заслушан был ряд сообщений (Н. Я. Кац, А. А. Уранова, Н. В. Шибанова, А. Д. Шаховской, Подаревского и др.) об участках губернии интересных в том или ином отношении.

В. Г. Стаховским был доложен „Проект положения об организации и ведении охотничьих заказников“. А. М. Вагин сделал доклад: „Перспективы сохранения и восстановления выхухоля в Московской губ.“, в результате которого была выделена особая выхухолевая комиссия для выработки плана мероприятий по охране и эксплуатации выхухоля. Постановлено было в текущем же году приступить к изу-

1) См. в разделе Комиссий.

чению биологии выхухоля и изучению вопроса возможного промысла в будущем.

Картографическая комиссия.

Председатель—Н. П. Никитин, Зам. Председателя—Я. С. Артюхов, Секретарь—И. А. Здановский.

В отчетном году Комиссия закончила работу по составлению Экономической карты Московской губернии, издание которой по инициативе Правления Об-ва было осуществлено Картоиздательством Н.К.В.Д. и П.Т.О. (Отд. М.О.Н.О.) в апреле 1928 г.

Карта состоит из двух частей—из карты губернии в масштабе 1:30000 и из маленьких карт, картограмм и диаграмм, окружающих основную карту.

Основная карта, составленная Картоиздательством Н.К.В.Д. по материалам съемок Геодезического Комитета В.С.Н.Х., М.О.З.О и 2-х верстной карты Московской губ., помимо общих картографических данных, как-то: населенные пункты, реки, озера, пути сообщения, имеет также ряд показателей экономики Московской губ. именно: а) местонахождение торфяников и мест разработки полезных ископаемых, б) фабрики и заводы с отметкой крупности и вида производства, в) электро-установки, г) линии передачи токов высокого напряжения.

Маленькие карты и картограммы, окружающие основную карту, дают географическое распределение следующих экономических показателей: а) почва и климат, б) районы животноводства, в) районы незерновых культур и огородничества, г) районы ввоза и вывоза товаров, д) районы плотности населения, е) кустарные районы.

Работа по составлению картограмм и маленьких карт и редактирование экономической части основной карты проведены Об-вом Изучения Московской губернии через Картографическую комиссию.

Картографической комиссии было предоставлено право кооптации нужных для работы специалистов.

В редактировании отдельных листов карты приняли участие краеведы Ленинского, Дмитровского, Сергиевского, Воскресенского, Богородского, Звенигородского, Коломенского, Орехово-Зуевского, Серпуховского уездов.

Комиссия по составлению географического словаря.

Председатель—И. А. Здановский.

В отчетном году Комиссия продолжала начатые в предыдущем году работы.

Комиссия по осмотрам архитектурных памятников.

Председатель—А. В. Григорьев, Секретари—И. В. Воблый, Н. Е. Волкович и М. Ю. Меленевская

Задачей комиссии является научная фиксация состояния памятников материальной культуры.

Работа проводится коллективно под общим наблюдением руководителя осмотра. В среднем на осмотрах участвует 50 чел. Все наблюдения фиксируются в протоколах. Членом Об-ва А. А. Губаревым производится фотографирование. Снимки выставляются на заседаниях Секции.

Летом 1928 г. осмотрены были следующие усадьбы: Уборы, Виноградово, Петровское, Усово, Марково, Бронницы, Никольское-Урюпино, Кузьминки, Люблино, Алексеевское, Коломенское, Измайлово, Марфино, Вольнское, Троекурово, Быково и Дубровицы.

Руководили осмотрами: И. В. Воблый, О. В. Волкова, Н. Р. Левинсон, К. Н. Львова, С. А. Торопов, И. Я. Тюлин, А. А. Устинов (по 1-му осм.) и А. В. Григорьев—7 осмотров. Общее количество участников—411 чел.

С осени 1928 г. проведен опыт осмотра отдельных „урочищ“ Москвы. Так осмотрены: „Бутырки“—руковод. А. А. Устинов (34 участн.), „Крутицы“—руковод. П. С. Касаткин (35 чел.), „Садовники“—руковод. А. В. Григорьев (29 чел.), „Воронцово Поле“—руковод.—А. В. Григорьев (69 чел.).

Историческая часть почти ко всем осмотрам подготовлялась членом Об-ва—Н. П. Виноградовым.

Комиссией за 1928 г. проведено 35 осмотров при 1317 участников.

Осмотры Комиссии постепенно превращаются в широкие массовые экскурсии на общую тему „История города Москвы и его материальных памятников“.

Комиссия по декабризму.

Председатель—Д. И. Шаховской, Зам. Председателя—Н. П. Чулков, Секретарь—А. Н. Перескокин.

Комиссия образована 2 апреля 1928 года. Имела 4 заседания. Комиссия провела работу: а) по выявлению усадеб декабристов на территории Московской губ., б) по установлению списка домов в Москве где жили декабристы и в) по выяснению той социальной среды среди которой жили и действовали революционеры 1825 г.

Установлен список усадеб и проведен осмотр некоторых из них. Д. И. Шаховским и А. Н. Гречем сделаны на эту тему сообщения. Особенно обстоятельно обследована усадьба Осташево Волоколамского уезда. Предполагается издать в ближайшее время эту работу.

По установлению списка домов связанных с декабристами ведется коллективная работа по материалам Губ. Архива и Строительного архива. По техническим условиям работа в Губархиве над исповедными списками дающими богатый материал для целей Комиссии, в конце года временно приостановилась.

Краеведческие организации на местах вовлекаются в работу по выявлению местных материалов о декабристах. На запрос об усадьбах декабристов живо откликнулись краеведы Можайского уезда.

Пушкинская комиссия.

Председатель—П. Н. Миллер, Секретарь—И. Г. Филатов.

Комиссия провела заседания. Она вела работы по: а) увековечению памяти А. С. Пушкина, б) по обследованию домов, где жил и бывал А. С. Пушкин, в) увековечению и популяризации мест пребывания А. С. Пушкина. В связи с этим разработан план устройства сквера на месте рождения А. С. Пушкина. Осмотрена усадьба Ярополец быв. имение Гончаровых, где выделена „Пушкинская Комната“.

Комиссией намечено издание сборника посвященного ус. Гончаровых и Чернышевых-Ярополец.

В исполнение этого решения разослано приглашение ряду лиц и учреждений с предложением принять участие в издании сборника.

Уже получено согласие от некоторых лиц и, кроме того, принят ряд пожертвований на эту цель.

Комиссия по организации работы в парке культуры и отдыха.

Комиссия состояла из следующих лиц: П. А. Иванова, В. В. Алехина, А. П. Левицкого, П. Н. Миллера, Н. А. Гейнике, А. Ф. Родина, В. В. Карпова и др.

П. А. Ивановым был поднят вопрос об изучении территории Парка в естественно-историческом отношении с целью сохранения наиболее интересных уголков и объектов. Разработан был план, который осуществить не удалось за отсутствием средств.

Отдельные обследования все же были проведены, напр. С. С. Левицкий провел ряд ботанических экскурсий с результатами ознакомил в своей статье помещенной в „Московском Краеведе“.

Н. А. Гейнике, П. Н. Миллер, А. Ф. Родин разработали план организации вышек для осмотра понорам города. П. Н. Миллер составил план экскурсий. Экскурсии были осуществлены. Проводились они П. Н. Миллером и И. В. Воблым.

В течении зимнего сезона предполагалось провести ряд экскурсий на в окрестности Москвы. Вопрос этот обсуждался заседании с представителем Парка. Разработан был подробный план этих экскурсий, но в виду прекращения деятельности парка зимой проект этот не был осуществлен.

Комиссия по организации научного съезда губернии

Председатель—П. Н. Миллер.

Комиссия провела работу по установлению программы съезда, вела переговоры с докладчиками. Съезд был отложен на неопределенное время.

Комиссия по составлению словаря краеведов Москов. губернии.

Председатель—Н. П. Виноградов.

Комиссия провела большую работу по выяснению лиц работавших на территории Московской губернии и учету их трудов. В настоящее время представлен Правлению Об-ва список краеведов на букву „А“. Список рассматривался в Издательской Комиссии Об-ва и для дальнейшей проработки создается особая Комиссия из представителей всех Секций.

Особое совещание по увековечению памяти А. С. Грибоедова

Совещание имело 5 заседаний с общим числом участников—82 чел. Представители от государственных и общественных учреждений и отдельных лиц.

Через газеты объявлен был бесплатный конкурс на сооружение памятника в форме бюста и одновременно же было возбуждено ходатайство перед Моссоветом об отпуске средств на постройку памятника. Из представленных 8 проектов памятника принят проектарх. Н. А. Пустоханова. Фотографический снимок этой модели памятника представлен в Моссовет, как материал к возбужденному ходатайству об отпуске средств.

В связи с организацией при Г.И.М'е общественного Комитета по проведению Грибоедовских торжеств работы особого совещания по постройке памятника должны войти в план работ общественного комитета по проведению Грибоедовских торжеств.

Комитет по охране могил выдающихся деятелей.

Работа Комитета направлена была на рассмотрение и утверждение списка могил. В настоящее время таковые списки составлены по 16 кладбищам. Взято на учет 596 могил. Самым большим по количеству могил выдающихся деятелей оказалось кладбище Ваганьковское (211 могил). Самым незначительным Калитниковское (2 могилы).

Осуществление фактической охраны могил находится в зависимости от целого ряда причин. Она не мыслима без организации общей охраны и благоустройства кл-щ, что было указано и Президиумом Моссовета. С этой целью Комитетом организованы были на Ваганьковском и Лазаревском кл-щах комиссии по благоустройству. В виду расширившейся работы Ко-

миссий общее руководство административно-хозяйственной части было передано Правлению Специальной Комиссии в составе Б. Б. Веселовского, П. Н. Миллера, П. В. Сытина и члена Об-ва А. М. Полянского. Охрана могил деятелей осуществляется через эти комиссии. Там же, где их нет, Комитет передает списки Комиссиям, организованным Похор. П/Отдел. и не подведом. Об-ву.

Крайне плохо обстоит дело на разрушенных и в буквальном смысле беспризорных „монастырских кладбищах“, ныне закрытых для погребений.

Специальная Кладбищенская Комиссия.

Первой заботой образованной 23 мая 1928 г. кладбищенской Комиссии Об-ва была выработка проекта Положения о подсобных ее комиссиях по благоустройству на переходящих в ее ведение кладбищах.

Скорейшего проведения в жизнь начал, уточняющих права и обязанности как организаций, так и отдельных должностных лиц Похоронного П/Отд. и Об-ва Изучения Московской губернии, требовала сама конструкция управления кладбищами, где благоустройством должны были весть две организации: правительственная и общественная. К сожалению, проект до сего времени остается неутвержденным по независящим от Об-ва причинам.

В деятельности местных комиссий Об-ва от времени до времени отмечались несогласованность во взглядах с Похоронным П/Отделом и неправильное понимание отдельными сотрудниками последнего роли Об-ва и его подсобных Комиссий. Только тяжелое состояние кл-щ, необходимость участия общественных сил в привлечении пожертвований и ряд других соображений вынуждали Кладбищенскую Комиссию продолжать свою деятельность и настаивать в органах М.К.Х. и в Президиуме Моссовета на скорейшем утверждении Положения; до осуществления же этого Комиссия протокольным порядком провела в жизнь ряд отдельных организационных начал, регулирующих деятельность местных комиссий Об-ва на кладбищах (см. „Московский Краевед“, вып. 6, стр. 44).

В заседаниях Комиссии 31 октября и 24 ноября 1928 г. был заслушан отчет о ее деятельности за период времени 23/V—1/X—28 г. на находящихся в ведении Об-ва Ваганьковском и Лазаревском кл-щах.

Ваганьковское кладбище. В течение лета на Ваганьковском кл-ще производилась в больших размерах перепланировка и связанная с этим ликвидация ряда могил и относящихся к ним решеток, надгробий, венков, цветочных кустарников, деревьев и т. п.

Не участвуя в перепланировке, местная комиссия сосредоточила свою работу на охране могил выдающихся деятелей, а так-

же памятников, представляющих художественную или историческую ценность. К сожалению, уполномоченный по наблюдению за работами по перепланировке и его десятичники недостаточно считались с представителями Об-ва, и этим, напр., можно объяснить случай уничтожения балдахина и решетки, отмеченных к сохранению членом Об-ва П. Н. Миллером.

Местная Комиссия произвела уборку решеток, надгробий, венков и т. п., поставила на приведенных в порядок дорожках скамейки, установила на углах участков и дорожек, произвела засев окраин дорожек, устроила общественную уборную и т. п. Благодаря таким совместным работам, значительная часть кл-ща, по левой стороне от входа, приняла уже теперь благоустроенный вид.

В течение минувшего строительного периода деятельность местной Комиссии сосредоточилась, главным образом, на полном приведении в порядок ограды. Работа в этой части закончилась в ноябре и обошлась Об-ву в 40.500 руб.

Живая охрана Ваганьковского кл-ща осуществляется содержимыми на средства Об-ва 13 сторожами. В помощь сторожам на дневные часы приглашаются представители милиции.

Устройство ограды, содержание охраны, приведение в порядок кл-ща и другие меры, принятые Об-вом для благоустройства кл-ща, возможно было осуществить только благодаря материальному участию в этом граждан, заинтересованных в охране близких им могил. Всего с октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. местной Комиссии получено пожертвований на сумму 80.035р. 70 коп. по 35.660 могилам.

Продолжая и развивая сбор добровольных пожертвований на охрану и благоустройства кл-ща, местная комиссия не могла не обратить внимания также и на тот источник доходов, который дает значительную прибыль частным торговцам: на производство разного рода торговых операций, непосредственно связанных с обслуживанием кл-ща, а именно-продажу решеток, надгробий, гробниц, производство обкладки могил, окраску и т. п. Встреченная полным сочувствием, деятельность комиссии в этом направлении сразу начала приносить значительный доход, в особенности благодаря снижению, по сравнению с частниками, цен. Насколько велико это снижение, можно судить, хотя бы потому, что 1) на Ваганьковском кл-ще покупают надгробия для установки их на других кл-щах, хотя около последних и производится частная торговля, 2) находившиеся около ворот Ваганьковского кл-ща два частных торговых предприятия к концу отчетного года вынуждены были закрыться. Развитию торговых операций по продаже решеток способствовала также передача Об-ву Похор. П/Отдел. в сентябре решеток, снятых при перепланировке. Всего за 1/4 с. г. чистая прибыль от торговли по

Ваганьковскому кл-щу в материалах и наличных деньгах выражается в сумме— 6.770 руб. 38¹/₂ коп. К концу отчетного года Комиссия Ваганьковского кл-ща открыла филиал на Лазаревском кл-ще. Деятельность Комиссии Ваганьковского кл-ща неоднократно подвергалась ревизии со стороны Похоронного П/Отдела, а в конце отчетного года еще и Московского Совета.

Лазарево кладбище. Лазарево кл-ще (около 19 дес.) занимает в высшей степени неудобное положение в отношении прилегающих к нему полотна Бел.-Бал. жел. дор. и Марьиной Роши. Многочисленному населению последней, тяготеющему к району Мешанских ул. (2 больницы, вокзал, магазины), приходится идти или в обход всего кл-ща, или через полосу отчуждения жел. дор. или через кл-ще. Большинство предпочитает последнее. Близость к кл-щу жел.-дор. складов представляет большой соблазн для воров, которые и сами скрывались в густых зарослях кл-ща и в них же прятали награбленное.

Все внимание Комиссии было сосредоточено на восстановлении ограды вокруг кладбища. Разрушение ее достигало здесь таких размеров, что нечего было и думать об ее восстановлении на всем протяжении кл-ща. Приходилось стремиться только к налажению его ограждения, пользуясь в возможных случаях стенами и деревянными заборами соседних владений. Устройство ограды в этих местах приходилось откладывать до накопления средств, т. к. проведение постройки даже в сокращенных размерах потребовало займа из средств Ваганьковского кл-ща в сумме до 6.000 руб. Стоимость устройства ограды в текущем строительном сезоне выразилась в сумме около 23.000 руб.

Хотя приведение в порядок ограды на Лазаревом кл-ще должно было бы проводиться на такие же средства, как и на Ваганьковском, но целый ряд приводящих обстоятельств как-то: а) отсутствие перепланировки на кл-ще и связанной с этим ликвидации могил, а также б) характер самой работы местной Комиссии,—привели к тому, что размер добровольных пожертвований вместе с суммами, полученными от обкладки могил дерном, за год к 1/X—28 г. выразился всего в сумме около 25.000 руб.

Недостающая до полной стоимости ограды, организационных работ, содержания сторожей, поддержания порядка и проч. сумма была покрыта, как выше сказано, позаймствованием из средств Ваганьковского кл-ща, а также путем случайных поступлений.

Как видно из отчета, ограда на Лазаревом кл-ще не была бы приведена в порядок без помощи Ваганьковского кл-ща, не была бы без той же помощи организована на нем торговля. Эти факты приводят к мысли, что только единство работы на кл-щах г. Москвы может привести их к тому же состоянию, в котором желает их

видеть Моссовет, только при таком единении, централизации заведывания благоустройством их может быть достигнуто состояние их, приличествующее месту упокоения.

Такое объединение работ по благоустройству всех кл-щ г. Москвы в ведении Об-ва изучения Московской губернии, под общим контролем Похоронного П/Отдела предусматривалось тем проектом Положения, который находится в рассмотрении органов Моссовета с мая месяца 1928 года.

Протокольная комиссия.

Председатель—В. А. Адольф.

Задачей комиссии, состоящей при секции „Старая Москва“, является привести весь материал протоколов заседаний и осмотров, докладов и сообщений в такое состояние, чтобы он был доступен для проработки, пригоден для быстрой и полной справки, чтобы рельефнее выделять отдельные вопросы. Материалы эти заключались в 365 протоколах заседаний, 191 протоколе осмотров, сотнях докладов и сообщений. К настоящему времени проработан материал по 1 янв. 1928 г. и распределен по карточкам по следующим шести картотекам.

- 1) Картотека заседаний с указанием докладов и сообщений, сделанных на каждом заседании, с фамилией и инициалами докладчиков, указанием какой протокол осмотра прочитан в заседании, с фамилией и инициалами руководителя, с отдельной карточкой на каждое заседание, с датой его. Составлено 356 карточек.
- 2) Картотека осмотров с указанием темы осмотра, фамилии и инициалов руководителя, датой утверждения протокола на заседании, с отдельной карточкой на каждый осмотр, с его датой. Составлено 191 карточка.
- 3) Картотека докладчиков с указанием докладов и сообщений, сделанных каждым в хронологическом порядке, алфавиту, с отдельной карточкой на докладчика. Составлено 217 карточек.
- 4) Картотека руководителей осмотров в том же порядке. Составлено 72 карточки.
- 5) Картотека тем докладов в алфавитном порядке и по категориям, так что одна тема может иметь несколько карточек; отсюда можно узнать, какие дома, церкви, фамилии, события, раскопки, бытовые моменты и т. д. были предметами докладов и сообщений, с датой и фамилией докладчика. Составлено 1001 карточка.
- 6) Картотека тем осмотров в том же порядке. Составлено 394 карточки. Таким образом составился справочник в 2,231 карточку. Кроме того, составляется 5 картотек берущих материал в другом разрезе. Деятельное участие в составлении картотек принимали: Блюмберг, Федорова, Гаспарьянц, Шейнман, Тумановский, Шишкина и друг.

Мемориальная комиссия.

Председатель—Н. Н. Шамин.

Работа Мемориальной Комиссии заключалась в том, что давались „по возможности“ полные памятных справки не только о лицах, но и о достопамятных событиях, учреждениях, предприятиях и даже о произведениях разных областей искусства, науки и техники. Комиссией кроме того обращено было внимание на собирание сведений, касающихся биографий заметных деятелей связанных с Москвой.

В текущем 1928 г. Комиссией отмечено было 50-летие кончины артиста Малого Театра С. В. Шумского и артистки крепостного театра Параша Жемчужовой-Шереметевой по случаю 125 летия ее смерти, столетия со дня рождения Толстого и столетия кончины А. С. Грибоедова.

В настоящее время Комиссия работает над составлением московского мемориального исторического календаря.

Эпиграфическая комиссия

Председатель Комиссии — В. А. Афанасьев.

Комиссия была образована при Секции „Старая Москва“ 16 августа 1928 года. Задачей ее является фиксация надписей, гербов и т. п. украшений стен домов и других сооружений в гор. Москве.

Мемуарная комиссия.

Председатель—Н. П. Чулков.

Задачей Комиссии является ознакомление и разработка мемуарной литературы. В настоящее время в составе комиссии работает 7 человек. В настоящее время обработано 29 мемуаров.

Журнально-газетная комиссия.

Председатель—П. В. Кисляков.

Комиссия провела большую работу по систематизации и каталогизации журнальных и газетных вырезок, поступивших из быв. Музея „Старой Москвы“. В комиссии работало 6 человек. Составлено 25.000 карточек.

Архитектурная комиссия.

Председатель — Н. Д. Виноградов, Секретарь—К. В. Верещагин.

В составе комиссии работало 14 человек. Проведено 11 заседаний и 40 обследований. Зарегистрировано вновь обнаруженных памятников в количестве 101.

Издательская комиссия.

Несколько особняком от других комиссий стоит Издательская Комиссия Об-ва, в функции которой входит осуществление издательства Об-ва и редактирование журнала „Московский Краевед“.

Председателем Комиссии состоит—Н. А. Дорогутин, Секретарем — Б. И. Клущин.

В состав Комиссии входили представители Правления, Секций и Секретариат Об-ва.

От правления—Н. А. Дорогутин, от Культурно-Исторической Секции—М. Н. Тихомиров, Б. Б. Кафенгауз и И. И. Полосин.

От Естественно Исторической Секции — В. В. Алехин, А. П. Левицкий и И. А. Здановский.

От Экономической Секции—Н. П. Никитин, Я. С. Артюхови А. Н. Демме.

От Секретариата—К. Ф. Некрасов, Б. И. Клущин и Н. Н. Гагарина.

Комиссия собиралась в Отчетном году 4 раза.

В отчетном году по плану, разработанному Издательской Комиссией были выпущены следующие издания:

„Московский краевед“.

Вып. 3	4	лист.
„ 4	5	„
„ 5	5	„
„ 6	4	„
„ 7—8	11 1/4	„

„Московский Край в его прошлом“ составивший 1-й вып. „Трудов Об-ва“. 8 „

Всего. 37 1/4 лист.

Из основных мероприятий, осуществленных Комиссией, следует отметить: 1) организацию специальной серии „Трудов Об-ва“ вып. 1, который, посвященный вопросам культурной истории, выпущен в отчетном году, 2) периодичность выпуска журнала „Московский краевед“, 3) реорганизацию журнала, проведенную Комиссией, с разделением всех материалов печатающихся в нем по 3-м рубрикам: а) статьи исследовательского характера, б) хроники, в) библиография. Комиссией проведена большая работа по планированию всех отмеченных отделов журнала. По постановлению Комиссии ответственное редактирование журнала возложено на председателя Об-ва Б. Б. Веселовского, 4) Переговоры с из-вами г. Москвы о выпуске ряда изданий Об-ва как - то: а) экономической географии Московской губернии, составление которой согласились взять на себя Н. П. Никитин и Я. С. Артюхов, б) сборника, посвященного А. С. Пушкину, со статьями Л. А. Виноградова, Н. П. Чулкова и Н. П. Розанова. Переговоры по этим вопросам еще не закончены доселе.

Издательской же Комиссии было поручено Правлением ведение переговоров с издательствами по вопросу об оптовой продаже книги Д. П. Сырейшикова „Определитель растений Московской губ. Изд. Об-вом совместно с МОСХ в 1927 г.—

Тираж 5.000 экз. Переговоры велись К. Ф. Некрасовым и Б. И. Клушиным без положительных результатов.

Об-во Изучения Московской губернии выпускало свои издания с тиражом 1.000 экз.

Авторам выдавались по 30 оттисков статей, согласно постановления Ревизионной Комиссии, признавшей невозможным, в виду ограниченности средств, оплачивать гонорар.

В целях усиления продажи изданий организована сдача книг на комиссию в следующие магазины: „Книгосоюз“ (3), „Работник Просвещения“ (3), „Московский Рабочий“, „Экономическая Жизнь“, „Международная Книга“, Госиздат, „Новая Деревня“. Кроме того, книги сданы были на комиссии: в Московский Коммунальный Музей, в Музей Ц. П. О., в Кабинет Краеведения, в Базовые школы, в некоторые уездные города и т. д. Продажа изданий О-ва велась непосредственно и Секретариатом О-ва. Определенное количество экземпляров расходится на заседаниях Секции „Старая Москва“ (20—30 экз.). Музейным п/Отделом М. О. Н. О. была выдана сумма в 240 руб. на оплату первых трех выпусков „Московского Краеведа“, разосланных О-вом во все волости губернии.

Новые секции Общества.

В течение отчетного года велась работа по организации новых Секций, оформление которых будет произведено в течение 1929 года.

Работа по организации Секций: „Новая Москва“ была возложена на члена О-ва П. В. Сытина, Секции Школьно-Методической—на К. В. Сивкова.

Работой по созданию студенческого бюро при О-ве ведает Комиссия в составе: Н. А. Гейнике, Н. И. Карапина и С. П. Толстова.

Библиотека О-ва.

Пополнялась библиотека книгами, полученными в обмен, пожертвованными и книгами из распределителя Главнауки. В обмен поступило—343 книги, из распределителя—150 книг, пожертвовано Е. В. Пасхаловой—12 книг, Б. Б. Веселовским—2 книги, И. А. Здановским—1 книга и Т. С. Чернацким—1.

На 1-е января внесено всего 1235 книг. Журналы регистрировались годами. Во временное пользование передано Кабинету Краеведения по договору 655 книг. Передача эта выявила на практике ряд неудобств, так как в текущей работе О-ва постоянно нужны для справок книги. Теми книгами, которые не переданы Кабинету, постоянно пользуются члены О-ва. Несмотря на все неудобства помещения, где

нет возможности иметь шкаф для книг и отдельный стол, все же в О-ве пользовались книгами 50 человек.

Обмен изданиями.

О-вом установлен обмен со следующими организациями: Моссоветом, Мостатотделом, МОЗО, МОНО, Геолкомом, Моск. О-вом Сельск. Хоз., Институтом С.-Х. Экономии, Ин-том Силикатов, Ин-том по удобрению, Ин-том Опытной Агрономии, Белорусской С.-Х. Академией, Географическим Ин-том, Академией Наук, Ц. Б. К., Академией Истории Материальной Культуры, Антропологическим Ин-том, Гидрологическим Ин-том, Метеорологическим О-вом, Музеем Ц. П. О., Коммунальным Музеем, Биостанцией, Кабинетом Краеведения и др.

Краеведческими о-вами и музеями: Архангельским, Солигалическим, Рыбинским, Вологодским, Соловецким, Псковским, Ленинградским, Ярославским, Владимирским, Ростовским, Костромским, Переславль-Залесским, Муромским, Пермским, Тверским, Северо-Кавказским Бюро, Иваново-Вознесенским, О-вом Естествоиспытателей при Томском ун-те, Саратовским Госуд. Музеем, Нижне-Волжским Областным О-вом, Шадринским О-вом Краеведения, Самарским О-вом, Сталинградским, Пензенским, Ульяновского края, Ин-том Промышленных Изысканий в Архангельске, О-вом Исследователей Рязанского Края, Бежецким, Касимовским, Кохомским, Бахаровским музеями и др.

Представительство Об-ва.

О-во в целях согласования работы и взаимной информации с рядом учреждений, соприкасающихся с работой О-ва, а также для сношений по различным вопросам, широко практиковало систему представительства. Указанные члены О-ва все время держали последнее в курсе тех работ, которые осуществляются теми учреждениями и организациями, в которые они были делегированы, а также выявляли по поручению О-ва отдельные пожелания, которые имели в виду осуществление планомерной краеведческой работы в Московской губ. Нижеследующие члены О-ва представляли его в следующих учреждениях в 1928 г.

1) Кабинет Краеведения—А. П. Левицкий, Д. И. Шаховской, П. Н. Миллер, К. А. Соловьев.

2) По организации краеведческой работы в Парке Культуры и Отдыха—В. В. АLEXIN, П. А. Иванов и П. Н. Миллер.

3) Московское Уездное Бюро—Б. И. Клушин.

4) Культотдел ГУБПРОСА—Б. И. Клушин.

5) Пушкинская Комиссия Об-ва—Д. И. Шаховской, П. Н. Миллер.

6) Совет Коммунального Музея—Б. Б. Веселовский и Н. С. Елагин.

7) Грибоедовская Комиссия Об-ва—П. Н. Миллер.

8) Общественный Комитет по юбилею А. С. Грибоедова—И. Г. Филатов.

9) Методическая Секция при Музейном п/Отделе М. О. Н. О.—М. Я. Феноменов.

10) Шефство над Отд. „Старая Москва“ в Комму. Музее—П. Н. Миллер.

11) Сношения с МОНО по делам Об-ва—Б. Б. Веселовский, П. Н. Миллер, Н. А. Дорогутин.

12) Представители в Ц. Б. К.—А. П. Левицкий, К. А. Соловьев.

13) Секция массовой политпросветработы Ц. Б. К.—Н. И. Карапин, К. А. Соловьев.

14) Комитет по охране могил выдающихся лиц—П. Н. Миллер.

Представители О-ва (Эпизодические).

1) На совещаниях Музейного п/Отд. М. О. Н. О. (19—20/III-1928 г.)—П. Н. Миллер, А. П. Левицкий, Н. А. Дорогутин и И. А. Здановский.

2) Ленинская конференция—М. Я. Феноменов, А. Д. Шаховская, Л. А. Евтюхова.

3) Естественно-Историческое Совещание при Музее Ц. П. О.—А. П. Левицкий, И. А. Здановский.

4) На конференции Московского Уезда—П. Н. Миллер.

5) Конференция Губпроса и М. О. Н. О.—П. Н. Миллер.

6) На Богородском совещании—Д. И. Шаховской, П. Н. Миллер.

7) Дмитровская Конференция—Н. Н. Лушихин.

8) Ярополец (осмотр) 17/VI-28 г.—Д. И. Шаховской.

9) Комитет чествов. 30 лет. Московского Художественного театра—П. Н. Миллер.

10) Этнологическое совещание при Музее Ц. П. О.—П. Н. Миллер.

11) Воскресенская конференция—И. А. Здановский.

12) Открытие народной обсерватории в Богородске—И. А. Здановский.

13) Можайское Об-во Изучения Местного Края 22/XII-28 года—Е. М. Цветаева.

14) Открытие Кудиновского Волостного музея—Ю. П. Карпинский.

15) Ученый Совет Воскресенского музея—Д. И. Шаховской.

16) Организация Волоколамского О-ва—Б. И. Клушин.

17) Звенигородская конференция—Н. П. Лушихин.

Подводя итоги, отметим те основные задачи, которые вытекают из проведенной работы и ныне стоят перед О-вом:

1) Дальнейшее усиление и углубление работы основных секций и Комиссий Общества; 2) образование новых Секций: „Новая Москва“, Школьно-Методической, Этнологической и Студенческого Бюро; 3) обсуждение и прорешение вопросов, связанных с районированием страны и образованием Ц. П. О.; 4) продолжение комплекс-

ного изучения природы Московской губернии; 5) приступ к комплексному изучению человека Московской губернии; 6) организация массовой работы по краеведению и вовлечению широких масс в краеведческую работу; 7) организация Комиссии по учету библиографических картотек и составлению библиографии Московской губернии с целью скорейшего издания таковой; 8) приступ к составлению и изданию био-библиографии по Москве и Московской губернии; 9) расширение и углубление издательской деятельности О-ва по линии „Трудов О-ва“ и „Московского краеведа“; 10) приступ к ежегодному печатанию отчетов о научной деятельности О-ва; 11) разработка и осуществление изучения Московской губ. стациснарным и экспедиционным путем и подведение итога по предпринятой О-вом работе о монографическом изучении селений; 12) составление монографий по отдельным вопросам изучения губернии; 13) продвижение вопросов, связанных с организацией и осуществлением научного съезда по изучению Московской губернии; 14) организация и правильное функционирование библиотеки с возможно исчерпывающим собранием литературы по Московской губернии; 15) организацию научного рукописного архива материалов, касающихся изучения Московской губернии; 16) ускорение работ по составлению географического словаря Московской губернии; 17) прорешение вопросов, связанных с осуществлением краеведческой работы в пределах г. Москвы (в районах, в Парке Культуры и Отдыха, на фабриках, в учительских организациях, в домкомах и т. п.); 18) установление правильного взаимного обмена литературой с научными учреждениями С. С. С. Р. и за границей; 19) укрепление и установление более тесных связей с филиалами и иными научными центрами в уездах Московской губернии; 20) получение благоустроенного помещения для секретариата, вспомогательных учреждений и для заседаний Секций и Комиссий Об-ва.

Годичное собрание О-ва изучения Московской губернии.

2—3 февраля с. г. состоялось годичное собрание Общества на котором присутствовало свыше 80 членов О-ва. С отчетным докладом о деятельности О-ва за 1928 год выступил председатель О-ва Б. Б. Веселовский. Доклад и заключение ревизионной Комиссии огласил председатель Комиссии—А. Ф. Родин. Деятельность О-ва подверглась оживленному обсуждению. В прениях по отчету выступили члены О-ва: И. Г. Клобуновский, Е. С. Радченко (Воскресенск), Н. Р. Левинсон, М. Я. Феноменов, Н. Я. Тихомиров (Можайск), П. Н. Миллер, Н. И. Карапин, Н. А. Дорогутин и др. Выступавшие констатировали все большее расширение и углубление работ О-ва и, на ряду

с достижениями, отмечали ряд пробелов в работе О-ва: недостаточно широко развернувшуюся работу по изучению природы и экономики губернии, слабую помощь работе филиалов О-ва, существующие пробелы в деле изучения быта, языка населения губернии, слабую налаженность в деле распространения изданий О-ва, слишком высокую стоимость изданий О-ва и мн. другое. Указывалось на необходимость скорейшего приступа к вовлечению в краеведческую работу широких масс населения губернии. Весьма оживленно обсуждался вопрос о деятельности „Кладбищенской Комиссии“ О-ва, при чем некоторые ораторы предостерегали, чтобы деятельность О-ва в этом направлении не отразилась бы в ущерб деятельности по другим разрезам. В принятых решениях собрание констатировало подъем в работе О-ва, утвердило отчет о проведенной работе О-ва и те пожелания, которые были сформулированы Правлением и Ревизионной Комиссией О-ва, как основа для дальнейшей деятельности О-ва. Отдельно было принято решение о необходимости установления более тесных связей с филиалами О-ва и о вовлечении в краеведческую работу широких масс населения губернии.

В заключение были произведены переборы руководящих органов О-ва. Собрание широко приветствовало единогласное переизбрание председателем О-ва Б. Б. Веселовского. В состав правления выбраны следующие лица: М. А. Алексинский (завед. МОНО), Н. А. Гейнике, А. Н. Демме, Н. А. Дорогугин, Н. С. Елагин, И. А. Здановский, Н. Г. Иванов, Н. Н. Иорданский, Н. И. Карпин, И. Г. Клабуновский, Н. Р. Левинсон, А. П. Левицкий, Е. И. Лукьянская (Звенигород), П. Н. Миллер, Н. Н. Мордвинова, С. И. Попов, Е. С. Радченко (Воскресенск), К. А. Соловьев (Дмитров), Е. В. Сосенкова (Ленинск), П. В. Сытин, Л. А. Томашевская (Можайск), С. П. Толстов, В. И. Успенский (Богородск), М. Я. Феноменов, В. Н. Хмелев (Серпухов), Е. М. Цветаева, С. В. Шольц, Н. И. Шевлягина (Коломна). Ревизионная Комиссия переизбрана в следующем составе: А. И. Капцов, А. Ф. Родин, М. Я. Стебницкий, А. А. Устинов, Т. С. Чернацкий. Кандидаты: Е. П. Петров и К. П. Сперанский.

Помимо отчетных материалов собрание заслушало доклады: А. А. Рыбникова — „Генезис хозяйства Центрально-Промышленной Области“ и Е. И. Лукьянской — „Кустарные промыслы Звенигородского уезда (по обследованиям Звенигородского Краеведческого О-ва)“. Оба доклада вызвали весьма оживленные прения. С целью рядом замечаний по первому докладу выступили: С. В. Бахрушин, М. Я. Феноменов, Е. Ф. Дюбюк, К. А. Соловьев. Ораторы отмечали большую ценность доклада и тех гипотез, которые были предложены А. А. Рыбниковым при рассмотрении эволюции форм хозяйства на территории Ц. П. О.

По второму докладу было задано свыше 30 вопросов. Окончательное обсуждение материалов за поздним временем было отложено до следующего общего собрания О-ва, на котором намечено обсудить аналогичную работу, проведенную в других уездах губернии.

Собрание О-ва продолжалось 2-го февраля, с 7—11 час. вечера, и 3-го февраля — с 10 ч. утра до 5 час. вечера.

Зоологические исследования Гос. Музея Центрально-Промышленной Области в Московской губ.

Зоологические исследования в Московской губ. ведутся Гос. Музеем Центрально-промышленной Области с 1924 года, когда Музеем была организована первая зоологическая экскурсия (в долину р. Оки в пределах Серпуховского уезда).

Летом 1925 года сотрудником Музея Н. В. Шибановым было приступлено к изучению фауны наземных позвоночных Орехово-Зуевского уезда. Исследования эти продолжались в 1926 и 1927 годах и были закончены летом 1928 года. В настоящее время результаты исследований готовятся к печати. Фауна этого уезда представляет большой интерес в том отношении, что здесь, на ряду с видами свойственными еловым, таежного типа, лесам, мы встречаем представителей гораздо более южной фауны.

С 1925 года и по настоящее время практикантами Зоологического подотдела Музея В. В. Раевским и Л. Г. Каплановым ведутся эпизодически экскурсии в различные районы губернии с целью наблюдения и коллектирования фауны млекопитающих. За этот период времени ряд экскурсий было совершено в пределы следующих уездов: Богородский (окр. с. Саввино, оз. Бисерово), Подольский (окр. д. Шербинка, долина р. Пахры), Егорьевский (окр. ст. Черустя), Дмитровский (озеро Нерское) и в некоторых других уездах. Кроме того, была совершена маршрутная экскурсия в долине реки Оки от Серпухова до Каширы и ряд подмосковных экскурсий. Особо следует отметить многократные экскурсии в Петровское-Разумовское и Измайловский Заповедник, где в зимние периоды производилось систематическое коллектирование мелких млекопитающих. За время указанных экскурсий собрана богатая коллекция млекопитающих (до 500 экз.), результаты частичной научной обработки которой вошли в опубликованную в V выпуске „Трудов Гос. Музея Центр.-пром. Области“ работу Л. Г. Капланова и В. В. Раевского „Материалы к фауне млекопитающих Центр.-области“.

Наконец, следует указать на работу по обследованию фауны позвоночных лесных массивов Клинского и Волоколамского уездов, произведенную сотрудником Музея Н. В. Шибановым и практикантом В. В.

Раевским летом 1926 года по заданию и отчасти на средства Отдела Охраны Природы ГНК, в связи с предполагавшейся организацией центральнорусского лесного заповедника. Обследование дало интересные материалы в отношении распространения некоторых видов птиц и зверей.

В предстоящем экскурсионно-исследовательском сезоне 1929 года Зоологическим подотделом Музея намечаются исследования фауны (гл. обр. птиц и млекопитающих) южных, приокских уездов губернии.

Н. Шибанов.

Раскопки Синьковского городища и Каргашинского селища Дмитр. уезда Московской губ. в августе 1928 года.

С 4 по 17 августа 1928 г. по линии работ Антропологической Комплексной Экспедиции Антр. Н.-И. Ин-та при 1 М.Г.У. и работ Гос. Музея Ц.-П.О., по поручению и на средства Музея Дмитровского Края я произвел палеознотологические раскопки в окрестностях с. Синькова в Дмитровском уезде на издавна известном в палеознотологии древнем дославянском Синьковском городище (согласовав предварительно эти работы с Б. А. Куфтиным, трижды копавшим здесь в 1923—25 г.г.) и на Каргашинском селище, найденном мной в 1924 г., расположенном в 1½ в. от городища и относящемся к культуре последнего.

Музей Дмитровского края предпринял эти раскопки с целью завершения работ по исследованию Синьковского городища, изучения соседнего с ним небольшого укрепленного селища и его взаимоотношений с городищем, а также с целью подробного последующего музейного выявления заведомо большого материала раскопок, долженствующего представить главнейшую тему в экспозиции археологических коллекций Музея.

В основной рабочий кадр раскопок вошли кроме меня следующие лица: научная сотрудница Костромской этнологической станции Л. С. Кितिцына, член Дмитровского О-ва Краеведения Н. А. Елизарова, студент 1 М.Г.У. С.В. Фадеева и слушатели Дмитровских спецкурсов: В. Ушати, Л. Вашкевич, С. Добров, Я. Михаловский и Н. Померанцев, последним был сделан в процессе работы также ряд фотоснимков. Кроме того, в работах участвовали: практикантка палеознотологической лаборатории Гос. Музея Ц.-П.О. Е. С. Дорогутина, член Дмитр. О-ва Краеведения и преподаватель школы II ступени Н. А. Егоров, зав. Музеем Дмитр. Края К. А. Соловьев, производивший одновременно с нашими раскопками этнографические работы в ближних деревнях, и ученый археолог Ф. М. Бородовский.

Значительное содействие работам оказали кроме К. А. Соловьева зав. местной школой В. Г. Чванов, Е. Г. Соболева, се-

кретарь Синьковской вол'ячейки ВКП—т. Княжин, местный агроном, предоставивший мне для разъездов между одновременно исследовавшимися памятниками свою лошадь под седлом и зав. вол. библиотекой и избой-читальней, снабжавшая нас бесплатно упаковочным материалом.

Синьковское городище мы застали после всех произведенных на нем начиная с 1903 г. работ в плохом состоянии. Хорошо сохранившийся вал имел наверху большую старую яму, почти вся площадка испещрена различной величины и формы ямами, обычно незасыпанными и оплывшими, у вала сильно обвалившимися благодаря их более значительной там глубине и до сих пор продолжающимися осыпаться и оползть.

Поставив себе целью не столько добытие коллекций предметов, сколько, прежде всего, изучение городища в его целом, я пересек его в этом году траншеей в 1 м. ширины и 91 метр длины и сделал пока два симметричных боковых шурфа размером 1×1 м. у бортов площадки, не-далеке от конца ее мыса. В одном из этих шурфов культурный слой достиг мощности около 3 метров. Указанная траншея своими первыми 20 ю метрами прорезала поперек место совершенно заплывшего рва и дала на своих стенках весь поперечный профиль последнего, достигающего глубины 2,30 метр. от современной его поверхности, поднимающегося довольно круто по направлению к подножию насыпи вала и дающего у этого подножия в глинистом грунте ясные профили концов врытых или вбитых в землю довольно толстых бревен, служивших, повидимому, к укреплению внешней стороны насыпи вала и долженствовавших, быть-может, придать валу в некоторой его части отвесную крутизну. Перед окончанием работ мы выгребли осторожно руками еще рыхлую землю с древесной трухой из прорезанных стенками траншеи ям от указанных столбов и постепенно заполнили их хорошо-промешанной глиной; подвергнув затем эти слепки довольно длительному действию разведенных в траншее костров, мы смогли вынуть эти тяжелые, обнаружившие на концах грани затесов отпечатки для их изучения в лаборатории и для изготовления гипсовых слепков концов их.

Наиболее высокая часть вала раскопкам в этом году подвергнута не была. Продолжение траншеи на площадке городища дало чрезвычайно сложную картину напластований, обнаружив на стенках очертания некоторых из разбросанных на городище выемок прежних раскопок, а также очертания различного рода земляных сооружений, столбов и т. п. деталей для каждого из содержащих культурные остатки слоев. Среди культурных слоев городища я установил три основных, имеющих протяжение через все городище. В части же траншеи, наиболее вдающейся в насыпь вала и достигающей глубины 5 метров, на

составленном профиле фиксировано 9 слоев, из них 5 культурных.

Эта сложность напластований при условии чрезвычайно внимательного исследования на месте и в лаборатории, повидимому, сделает Синьковское городище центральным в деле изучения культуры прафинских городищ Московской области (т.е. так называемых городищ дьякова типа). Уже сейчас намечаются с достаточной ясностью основные стадии в эволюции керамики для этой культуры, что приобретает особенно большой интерес в связи с результатами произведенных мною в последние 2-3 года раскопок и обследований городищ на нижней Оке и Клязьме и многочисленных древних стоянок с „сетчатой“ („текстильной“) керамикой и кремневой индустрией в тех же и более западных районах.

Коллекция предметов, явившаяся результатом произведенной на городище работы, значительна. Она включает в себе кроме многочисленных осколков различного камня и большого количества остатков фауны очень большое число обломков керамики (среди которых удастся склеить и восстановить с помощью гипса целые сосуды), подделки из кости, камня, бронзы и железа.

Одновременно с раскопками городища производилось исследование Каргашинского селища. На основании сделанных на селище наблюдений во время работ в 1924 и 1925 г.г. я знал, что оно имеет очень ограниченное распространение, и поэтому решил произвести по возможности полные его раскопки. Исходя из этого я наложил на занятую селищем местность правильную сеть шурфов 1×1 м. через каждые 9 метров во всех направлениях, позволившую мне с достоверностью установить распространение культурного слоя, его мощность и насыщенность в различных пунктах культурными остатками, после чего уже приступил к проведению траншей и вскрытию смежных им площадей в местах распространения пятен нетронутого культурного слоя. Почти весь культурный слой сплыл с вершины холма на его склоны и к подножию. Всего последними раскопками вскрыта на селище площадь в 133 кв. метра. Протяжение наиболее длинной траншеи равно 32 метрам, наибольшая глубина раскопок достигала 2 метров; однако, средняя мощность культурного слоя незначительна. Последний в некоторых пунктах селища может быть подразделен на два стратиграфических горизонта. Центральным моментом в раскопках селища является открытие 3-х землянок, расположенных в двух случаях на склонах холма. Детальное исследование их пришлось по причинам материального порядка отложить до следующего лета. Эти три землянки обещают при продолжении работ большую научную жатву.

Добытая на Каргашинском селище коллекция по размерам значительно уступает коллекции с городища и состоит пока в

общем из предметов того же характера. Культурный комплекс селища может быть по керамике отнесен к нижним слоям Синьковского городища.

Раскопки производились методами Антропологического Н.-И. Ин-та при 1-м Моск. Гос. Ун-те. Составлены планы раскопок, произведены нивелировки поверхности траншей, вычерчены на месте профиля траншей со всеми деталями, заполнены регистрационные карточки по всем более чем 200 участкам, сделаны чертежи и зарисовки отдельных деталей, составлены полевые описи пакетов с материалом, взяты образцы всех слоев и три глиняных слепка столбов, а также сделано около 11½ дюжины фотоснимков преимущественно интересных деталей; осуществление же общего плана фотографирования отложено до будущего года.

Выемка, упаковка и этикетировка предметов производилась по слоям и по горизонтам в 30 см. Вся коллекция в 15 ящиках передана для ее разборки, регистрации, лабораторно-технической и научной обработки в палеоэтнологическую лабораторию Музея Центр.-Пром. Области.

По окончании раскопок сделанные последними выемки были вновь засыпаны, при чем, как всегда, в определенных, отмеченных на плане пунктах были поставлены приземистые ориентировочные для будущих работ столбы. Исключение представляют 4 незасыпанных участка (34—37) стр. 1 на городище, стенки которых укреплены крепкими досками, распертыми прибитыми чурбаками.

В целях охраны памятников и наблюдения за их состоянием Синьковской волостной организации комсомола было предложено взять на себя культурное шефство над этими научными памятниками, значение коих выходит за пределы края; это шефство синьковским комсомолом принято. В апреле 1929 г. представителем Музея Дмитр. Края будет сделан в Синькове доклад на тему о произведенной работе, ее результатах и значении. Музей Дмитровского Края намерен продолжить раскопки обоих памятников, имея в виду в первую очередь 1) на городище: изучение вала путем соединения обеих частей траншеи I, работу по установлению значения столбов, наблюдаемых у подножия вала со стороны рва, и продолжение траншеи I вниз по склону; 2) и на селище: исследование трех землянок по уже выработанному плану и вскрытие окружающих землянки площадей культурного слоя. Кроме того, намечается одновременное обследование Синьковского района, что ляжет в разрез тех первоочередных палеоэтнологических полевых исследований, которые частью намечены, а частью уже осуществляются рядом краеведных учреждений Московской губернии.

О. Бадер.

2 выставки-передвижки Звенигородского Музея (1928/9 г.).

В целях ознакомления широких масс с Музейно-Краеведческой работой, Звенигородским музеем, в течение зимы 1928/9 г., были организованы две выставки-передвижки. Результаты вполне оправдали наши надежды, почему мы и считаем возможным дать краткое описание выставок. Первая передвижка была приурочена к одиннадцатой годовщине октября. Мы ставили себе задачей отразить работу Музея в деле изучения истории и Революционной жизни края. На нескольких портативных фанерных щитах (8 мм.) были отражены следующие моменты: 1) Введение. Историческая география — карты, планы, схемы, сводки. Археологическая карта III—XII вв.; Уделы 1328 г.; станы и волости XV—XVII вв.; промышленность края в XVII—XIX вв. (на эту тему мною был зачитан особый доклад в местном краеведческом обществе); 1812 г.; крепостное право и помещичье землевладение к 1850 г. (по К. Нистрему)—к этой карте фотоснимки помещичьих усадеб и крестьянских изб. Схема изменения границ за 1800—1928 гг.; летопись уезда. (Все карты составлены мною в 1928 г.). 2) Наибольший интерес вызвала схематическая карта пунктов революционных и контрреволюционных выступлений за XIX—XX вв. Первых пока отмечено до 20 тн, последних вдвое меньше—на схему нанесены пункты тайных собраний (Волковская дача—декабристы), подпольная типография Долгушина дер. Сареево (1873 г.), распространение „нелегальной“ литературы (Вязёмы), учебная стрельба революционной организации (бл. Перхушкова), Шараповская забастовка учеников-часовщиков, крестьянские восстания. Красные условные знаки местами перемешиваются с черными—контрреволюционное восстание в б. мон-ре 1922 г. выступления „зеленых“ банд в Нарском районе, карательные экспедиции. Карта составлена на основании архивных материалов, которые удалось получить в архиве УИК'а. Характерные документы по борьбе царского правительства с назревающими революционными настроениями, выставленные на щите, читались с большим интересом им были противопоставлены первые распоряжения и приказы Звенигородского Совета. 3—4) Следующие щиты—Партия и комсомол,—материал (преимущественно фотографии, документы, билеты) был получен из архивов Истпарта и Истмола. 5—6) На двух планшетах были отражены общественно-политическая жизнь края (митинги, собрания, съезды, демонстрации) и после революционное строительство—школьное, дорожное, противопожарное,

электрификация, водоснабжение (большинство снимков получено из местного комхоза). 7—8) Последние 2 щита—б. Савинский монастырь и музей. Образцы лубочных картинок, брошюр и альбомчиков, издававшихся монахами, фотоснимки богомольцев, перечень монастырских владений и доходов и рядом схема построения музея, фото-снимки отделов, лучших экспонатов, групп экскурсантов, диаграмма посещаемости, выписки из книги впечатлений, вырезки из печати, „Бюллетени“ местного краеведческого общества. Все щиты были снабжены четкими надписями, характеризующими тему. Соответственно теме, щиты окантованы красными и черными полосками.

В дни Октябрьской годовщины выставка была развернута в фойе гортеатра, где происходило торжественное заседание, а в следующие дни бесплатные кино-сеансы, затем на 10 дней была перенесена в Межсоюзный клуб. Осмотрело выставку более 2.000 человек. Заметное увеличение посещаемости Музея в следующие месяцы, ряд переданных фото снимков, документов и сведений вполне доказали целесообразность передвижки.

Вторая выставка была приурочена к 6-му уездному съезду советов (15, 16, 17 марта 29 года). В том же фойе театра были организованы выставки большинством отделов и учреждений УИК'а. На этот раз, помимо характеристики музея и работ по истории края и революционному п/отделу, мы дали некоторые характерные экспонаты (графику) и по ряду других п/отделов: история города (копии планов и общего вида Звенигорода 1800 г. современный план, фотоснимки). Этнография—методы работы по изучению крестьянского жилища 8 вариантов планов изб и дворов, которые мне удалось установить в результате этнографических разведок 1928/9 г.; детальный план постройки старого типа. Материал по Нарской фабрике пополнился брошюрой М. Воронина (издание 9 Истпарта 1928 г.) на средства отпущенные УОНО была отпечатана афиша-плакат с краткими сведениями о музее (500 экз.). Вся экспозиция носила более проработанный и внешне отделанный характер. Нам кажется, что Краеведческим Музеям, в целях популяризации как самих учреждений, так и идей Краеведной работы на местах, необходимо уделить большое внимание организации выставок-передвижек, не ограничиваясь сухим диаграммным материалом. Ряд отделов может быть представлен подлинными экспонатами графика, большие темовые коллекции, фото-снимки более ценных экспонатов.

В. Колобов.

Библиография.

„Краеведение“. Периодический орган Центрального Бюро Краеведения. Под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга и акад. Н. Я. Марра. Изд. Главнауки и Госиздата. 1928. Том V. №№ 6, 7, 8, 9, 10, стр. 321—384; 385—448; 449—512; 513—560; 561—608.

В последних пяти №№ журнала за 1928 год напечатан ряд статей, затрагивающих различные стороны краеведческой работы. Методике гуманитарного краеведения посвящена интересная статья Н. П. Андиферова — „Краеведческий путь в исторической науке“, обосновывающая локальный метод в изучении исторического прошлого и заостряющая вопрос о задачах и методах исторического исследования в краеведении вообще.

Статьи С. И. Бельденинова — „Сибирское краеведение, правовой быт и обычное право“, А. В. Мизерова — „Народные приметы“, А. А. Спицына — „Краеведческая работа на базарах“ обращают внимание на вопросы, еще не получившие широкого распространения в работе краеведов.

Проблемы естествознания в краеведении трактуют статьи: М. И. Нейштадта — „Изучение истории лесов и климата путем анализа пылицы в торфе“ и П. Е. Васильковского — „Роль краеведов в деле учета охотничьих богатств страны“. Первая статья, однако, носит узко специальный характер, и обосновываемый в ней метод работы доступен исключительно небольшому кругу специалистов. Вторая статья затрагивает один из животрепещущих вопросов, в разрешении которого могут и должны принять участие краеведы. Однако приходится сожалеть, что статья лишь ставит вопрос об учете охотничьих богатств страны и не дает никаких практических указаний для его правильного разрешения.

Разрез школьного краеведения представлен очень ценной статьей Е. С. Радченко — „Что может дать уездное статистическое бюро для краеведной работы учителя“, в которой намечаются практические возможности использования материалов статбюро для работы школы.

Проблеме краевого музееведения посвящены статьи: А. М. Кузнецова — „Отдел фабрично-заводской промышленности в местных музеях“ и А. Н. Свободова — „Литературный и мемориальный отдел в

областных музеях“. Первая статья, основанная на одних теоретических предположениях, затрагивает весьма важный и слабо освещенный в краевом музееведении вопрос. Однако, ряд положений статьи вызывает серьезные возражения (напр., вводный отдел, схема расположения коллекций, необоснованность границ между чисто экономическими производственными материалами и коллекциями по быту и т. д.). Несомненно, практическая работа музеевдов в затрагиваемой области внесет ряд существенных поправок в теоретические предположения, которые выявляет автор статьи. Вторая статья обосновывает и дает ряд практических указаний для той работы, которая ведется на местах в деле изучения и музейной экспозиции литературных и мемориальных материалов края.

Большое недоумение вызывает статья — „Синтетическая расстановка в отделе местного края областного музея“. Один из серьезнейших вопросов в области построения краевого музея иллюстрируется весьма неубедительным материалом. А примечание редакции к статье аннулирует и те небольшие крупницы положительных сведений, которые содержит публикуемый материал. Печатание такого рода материалов надо считать ошибочным и не достигающим цели.

Обзору краеведческой работы библиотек посвящена интересная статья В. В. Симонковского с обильным фактическим материалом по затрагиваемому вопросу. П. Н. Степанов в статье — „Опыт краеведческой работы с активом уральского студенчества“ затрагивает одну из любопытных форм краеведческой работы в Москве, осуществленную им в течение 1927—28 г. г. со студенчеством московских вузов. Статья А. М. Большакова — „Выяснение понятий, связанных с краеведным изучением социальной структуры деревни“ едва ли место на страницах краеведческого журнала, ибо материал, анализируемый в ней, имеет значение, выходящее за пределы только краеведения.

Две статьи (С. Н. Чернов — „К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры“ и И. М. Гревс — „Очередная задача краевого культуроведения“) посвящены критическому разбору двух вышедших книг (первая — книге М. И. Смирнова — „Наставление к изучению местной

историко-географической номенклатуры"; вторая—книге Н. К. Пиксанова—„Областные культурные гнезда“), затрагивающих весьма существенные и интересные вопросы в области краеведения.

Совершенно особняком и ничем не связана с предыдущими статьями является статья М. И. Успенского—„Простой выход“, полемизирующая с органом Центрархива по вопросу о передаче в учреждения последнего материалов, хранящихся в краеведческих организациях.

Мы исчерпали все статьи методического характера. Однако, те замечания, которые мы делали при обзоре первых пяти №№ журнала за 1928 год остаются в силе¹⁾. Напечатанный материал, несмотря на его разнообразие, носит весьма неровный характер и обходит самые животрепещущие вопросы краеведческой практики. На страницах журнала не чувствуется отражения тех злободневных вопросов, которые выдвигает жизнь в наши дни. М. б. выходом из указанного положения является тот план журнала, который намечает редакция на 1929 год, и в котором предположено ответить ряд страниц наиболее интересным „краеведческим исследованиям“, проводимым на местах. Отдельные №№ журнала предположено отвести разработке одной темы: краевому музею, комплексному изучению деревни и т. д.

Отдел журнала—„Из истории краеведения“ еще только намечается, и напечатанные статьи (М. И. Кадек—„Еще о первом краеведческом провинциальном журнале“, М. И. Успенский—„Археографическая экспедиция 1828—1834 г. г.“) еще не позволяют судить о будущей физиономии этого отдела.

Хроникальный материал не отделен от методических статей, что невыгодно нарушает структуру журнала. Отметим в этом отделе интересные статьи: Н. И. Касперовича—„Краеведение в Финляндии“, В. В. Дмитриева—„10 лет этнографической работы в Смоленской губ.“, С. И. Хомченко—„Результаты учета кольцеваний птиц в СССР за 1926-27 г. г.“, ряд материалов по фенологии, по охране памятников природы, искусства, быта и старины и др. Следует всячески развивать и углублять этот отдел журнала, который при тщательном и умелом руководстве может представлять большой интерес для краеведов.

Библиографическая часть журнала по-прежнему носит случайный и невыдержанный характер. Напечатанные „Основные правила составления библиографии карточек по краеведческой литературе“ вызывают ряд серьезных недоумений и возражений и никак не могут играть роль „азбуки библиографии“, к чему стремились их составители. Необходимо открыть широкую дискуссию вокруг этого документа и пре-

достеречь краеведов от слепого „принятия“ этого, во многих частях спорного и ошибочного материала. По отношению к остальной части этого отдела остаются в силе все высказанные ранее замечания. Напечатанные рецензии заставляют еще резче поставить вопрос о необходимости коренной реорганизации этого отдела.

Необходимо отметить регулярность выхода журнала, что является большой заслугой руководителей „Краеведения“.

Ник. Дорогутин.

М. А. и Н. А. Евтюховы—Тростенское и Чудцево озера Воскресенского у. Московск. губ. Труды Худ.-Ист. Краевого Музея в г. Воскресенске. Вып. VI, изд. Музея. 1928 г., часть 1-ая, стр. 78. Тираж 1.000, б/цены

Книга Евтюховых состоит из 2-х работ:
1. М. А. Евтюхова (Вадская). Очерк растительности—на 45 стр.

2. Н. А. Евтюхов. Птицы—на 33 стр.

Цель обеих статей, по предисловию совета Музея, заключается в том, чтобы осветить природу уезда, тот базис, на котором строится его хозяйственная жизнь.

Очерк М. А. Евтюховой составлен на основании обследования растительного покрова заболоченной котловины, в которой расположено озеро Тростенское, и другой, меньшей по размерам котловины с озером Чудцевым (в равной мере обследована растительность и самих озер). В очерке приводится довольно подробная характеристика основных растительных ассоциаций прилегающих к озерам болот и окраски самих озер. Описание растительности велось по профилям методом пробных площадок (в 100 кв. метр. и 4 кв. м). Степень обилия растений отмечалась по системе Друде, дополнением к которой было указание на фенологические стадии, ярусность и высоту растений, а в 4 м. пл. учитывалось покрытие по Хульт-Серноидену.

В очерке приводится 12 для Тростенского и 4 для Чудцево озер типичных растительных ассоциаций.

На основании произведенного обследования (поданные 50 пл. по 4м²), автор подтверждает закономерность, известную под именем закона константности, что видно из двух чертежей кривых константности.

Далее приводятся предварительные данные результатов бурения болот и дна озер, на основании которых составлены схематические профили озер. И, наконец, очерк заканчивается приведением общего списка растений, встреченных при обследовании.

Весь очерк иллюстрирован довольно удачно сделанными фотографиями.

С интересом просматривая указанную работу, чувствуешь, однако, в ней один пробел, благодаря которому ценность ее понижается.

В очерке не выявлено то, что принято теперь называть „целевой установкой“. Проведена большая работа по обследованию, собран интересный материал, и читателю предоставлено полное право делать какие

¹⁾ См. мою рецензию в № 6 „Москов. Краевед.“ за 1928 год.

угодно выводы. Вот, отсутствие в очерке хотя бы самых основных выводов самого автора, с одной стороны, делает работу не законченной, с другой,—благодаря слишком узкой специальной теме мало доступной даже более подготовленному читателю. Заполнение этого пробела было бы чрезвычайно важным отделом очерка тем более, что приводимое в тексте чисто флористическое описание, не связанное с почвенным, в сильной степени затрудняет возможность сделать какой либо вывод даже специалисту-производственнику¹⁾.

Н. Тихомиров.

г. Можайск.

Работа Н. А. Евтюхова „Птицы Тростенского и Чудцева озер Воскресенского у. Московской губ. (1926 и 1927 г.)“ слагается из четырех частей: 1—список птиц обоих названных озер с указанием характера пребывания наблюдавшихся видов; 2—биологическая часть, заключающая замечания к каждому виду списка о времени прилета, данные о гнездовании, отдельные случаи наблюдений и т. д. (эта часть работы включает ценный фактический материал); 3—описание распределения птиц на озерах по местам обитания и 4—описание озер, как охотничьих угодий.

Исследование фауны определенного ландшафта (в данном случае озер) уже определяет, в известной степени, экологическое направление этого исследования. Вполне понятно, поэтому, что наибольший интерес представляет третья часть работы, где автор рассматривает распределение птиц по местообитанию (станциям), предварительно охарактеризованному по их растительному составу. Особого внимания заслуживают иллюстрирующие эту часть работы схематические карты, исключительно наглядно показывающие зависимость распределения птиц от характера растительности. Интересно сравнение распределения птиц по гнездовым и кормовым станциям. Здесь автору, затрагивающему причины обуславливающие распределение птиц, ценный материал дает анализ желудков.

Работа Н. А. Евтюхова представляет для краеведов не только научную, но и

¹⁾ Редакция полагает, что статья М. А. Евтюховой дает совершенно отчетливое представление о растительности обследованных ею озер, чем и исчерпывается задача автора. Что же касается „выводов“ и „целевой установки“, то материал, собранный автором на ограниченном пространстве не достаточен для обобщений теоретического порядка; а в отношении практических выводов следует заметить, что делать их, пользуясь только ботаническими наблюдениями, вряд ли целесообразно: они должны появиться в результате синтеза всех данных по природе края. Автор, несомненно, поступил весьма осторожно, воздержавшись от преждевременных заключений.

методологическую ценность, как опыт деятельного экологического изучения фауны определенного ландшафта.

Н. Шибанов

Мурановский Сборник. Выпуск I. Москва. 1928. Стр. 125. Издание Музея им. поэта Ф. И. Тютчева в Муранове.

„Мурановский Сборник“ является вторым после „Тютчевского Сборника“, дающим нам ряд новых данных не только о Тютчеве, но и о его сверстниках и эпохе. В отличие от „Тютчевского“ данный сборник сообщает главным образом документальный материал — все историко-литературное освещение вынесено в примечания на конце книги. Подобно экспонатам музея, документы говорят сами за себя, исключая вопроса о борьбе Тютчева и Аксакова с цензурой, которому посвящена особая вводная и очень обстоятельно написанная статья Георгия Чулкова. Статья эта в особенности очень ценна тем, что блестяще оправдывает высказанные Г. В. Плехановым предположения²⁾.

О том, что деятельность И. Аксакова — редактора „Дня“, является яркою страницей борьбы русской общественной мысли с самодержавием, деятельность, искупающая многие из славянофильских грехов И. Аксакова. Борьба эта рисует личность Аксакова с совершенно новой привлекательной стороны и невольно наводит на мысль, что И. Аксаков был не один в этой неравной борьбе. Г. В. Плеханов обратил внимание на то, что поворот этот был даже для славянофилов, не говоря уже о западниках, крайне неожиданным и очень решительным, но у Г. В. Плеханова не было достаточных данных для решения вопроса о том, чье же личное воздействие явилось тем заключительным агитационным поступком, „подстрекнувшим“ И. Аксакова к такой неравной радикальной борьбе и гражданскому мужеству. Теперь мы это знаем точно — это был Тютчев! Знаем и тот общественный кружок, который дружно поддержал этот поворот.

И как это знаменательно литератора И. Аксакова поддержал Председатель Комитета Иностранной Цензуры Ф. И. Тютчев!

Таким образом к числу соучастников Аксаковских „вольностей“³⁾ мы должны теперь определенно причислить и Тютчева — идейного вдохновителя и агитатора Аксакова в этом вопросе.

Статья Г. Чулкова дает нам новые данные для внутреннего облика и самого Тютчева. В своей статье Л. Гроссман⁴⁾ убедительно показал, как Тютчев, наблюдая „су-

²⁾ В сборн. „От обороны к нападению“ о кн. Гершензона „Записки об обществ. развитии“.

³⁾ Непонравившихся ни славянофилам ни, западникам тем, что И. Аксаков взял под свою защиту существование свободы слова для „Современника“.

⁴⁾ „Тютчев и сумерки династии“. См. сборник „Три современника“. М. 1922. Стр. 5-37.

мерки династии" и „Закат“ буржуазного Запада, почувствовал всю неминуемость этого, по его мнению, „апокалипсического“ события, как Тютчев, наблюдая „древний хаос“, в себе самом отвел место закономерности в переходные моменты хаоса и в общественной жизни и не любя революции чувствовал в ней творческое начало дающее жизни неминуемые новые цветущие формы и постепенно склонил свою седую голову перед революцией, как перед апокалиптической неизбежностью „рока“ мировой истории. Начав с защиты охранительных принципов, Тютчев признал и закономерность революции.

Также оказывается обстояло, судя по ст. Г. Чулкова, дело и со взглядами Тютчева на свободу слова. Из цензора жизнь своею мудрою диалектической логикой превратила его в горячего защитника свободного слова.

Не менее важное значение для освещения внутреннего облика личности Тютчева имеет и впервые помещенный полностью в „Мурановском Сборнике“, — перевод Тютчева из „Эрнани“ В. Гюго, перевод сделанный с тем задушевным мастерством, когда переводчик и поэт чувствуют себя конгениальными в каком-либо вопросе, когда они — один через посредство другого — высказывают свои заветные мысли.

Мы бы сказали даже определенно, что перевод Тютчева качественно выше оригинала как по изысканности образов, так и по скандованной гулко-чеканной музыке стиха.

Знаменательна и дата этих строф — 1828 — ровно почти сто лет тому назад чуткий орлиный взгляд Тютчева подметил и вдохновенно передал нам „славянам“ — это первое самопризнание Запада о своем роковом Закате и окрасил его тем роковым Тютчевским предчувствием грядущего хаоса в этом столь наполеоновски начавшемся столетии.

Что случилось далее, мы знаем — апокалипсизм Тютчева развился впоследствии совсем не похоже на мировоззрение В. Гюго, но в 1828 г. у них была одна общая исходная точка.

Не менее интересны и письма Тютчева к П. А. Вяземскому. Влияние Вяземского на Тютчева оказалось большим, чем можно было бы ожидать. Мы рискуем утверждать, что четкость образов, любовь и внимание к изысканной музыке стиха минутами сильно сближали обоих поэтов с тою только разницей, что кудрявая цветистость Вяземского превращалась в тонкий чеканный глубоко художественный символический узор Тютчевского стиха, стиха, в котором под образом шевелился создавший его хаос.

Можно сказать, что до Тютчева редко оригинальная философская мысль облакалась в столь художественно прекрасные одежды.

Очень важны также для решения вопроса о том, был ли славянофилом или Западником Тютчев, его слова П. А. Вяземскому

во II письме от 1848 года¹⁾: „Очень большое неудобство нашего положения заключается в том, что мы принуждены называть Европой то, что никогда не должно было бы иметь другого имени, кроме своего собственного: цивилизация“.

Слова эти дают ключ ко многим настроениям Тютчева. Именно — где цивилизация, там и Европа. Значит Европа может быть космополитична только при этом условии. Ну, а если она его не выполняет и, называясь Европой не, дает цивилизации? — тогда ее ждет гибель — „Закат“. Удивительно (характерная для Тютчева в немногих заветных случаях) железная логика чувствуется в этих простых дружеских словах Тютчева своему корреспонденту. Тут мы стоим у истоков философского раздумья и Достоевского над судьбами Европы. И прав, внутренне прав Л. Гроссман, начиная здесь портрет второго славянина судьбы над Европой — Достоевского¹⁾.

По недостатку места мы исчерпали лишь очень небольшую часть материала „Мурановского Сборника“, но из анализа вышепредложенного материала ясно видна его первостепенная документальная ценность для уяснения развития личности Тютчева, его эпохи и будущего Европы.

К книге приложен ряд очень ценных библиографических примечаний и именной указатель.

Пожелаем скорейшего появления в свет и 2-го выпуска этого интересного сборничка, к тому же типографски получившего весьма изящное оформление.

К. Сперанский.

Памятники усадебного искусства.

I Московский уезд. Труды Картографической Комиссии Об-ва Изучения Русск. Усадьбы. М. 1928, стр. 106, 15 рис., 1 карта; тир. 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Выявление историко-архитектурного наследия прошлых веков является одной из первоочередных задач нашего краеведения, поскольку монументальные сооружения полновесно документируют как культурное состояние, так и социальные и экономические условия местности — поэтому небольшая книжка ОИРУ заслуживает большого внимания, как первый опыт опубликования полного перечня памятников определенного района. В особую заслугу составителям надо поставить описание памятников на основании непосредственного коллективного обследования, тогда как все предшествовавшие попытки такого рода, главным образом Петербургской Археологической Комиссии, строились преимущественно на анкетном материале, естественно весьма пестром и недостоверном.

Дав короткие характеристики каждого сооружения, составители сопроводили их

¹⁾ „Мур. сб.“, стр. 53.

¹⁾ Op. cit., стр. 63—114.

перечислением прежних владельцев и ценными библиографическими указаниями; иллюстраций по техническим условиям дано немного, но среди них впервые публикуются такие малоизвестные памятники, как замечательная церковь в Пояркове 1665 г., относящаяся к строительству Арт. Серг. Матвеева и в колокольне представляющая единственный образец совершенно ажурного сооружения, к сожалению, не приведена также исключительная по изощренности декабрировка стен здания; можно отметить также оригинальные псевдоготические постройки 1790-х гг. в Тишкове, великолепный зал конца XVIII в. в Знаменском-Садках и др.; по некоторым сооружениям воспроизведены обмеры планов.

Естественно, что при такой большой работе неизбежны были некоторые пропуски и иные несовершенства, так ни в Коломенском, ни в Измайлове и Тайнинском не упомянуты бывшие дворцы, послужившие поводом для сохранившихся построек; в двух первых опущены сведения о парках и прудах; в Коломенском пропущен флигель Тюринского дворца, Ключничьи палаты не примыкают к спасским воротам, а расположены отдельно на юг от них; по многим объектам не отмечено ценное внутреннее убранство, также местами слишком суммарно описаны некоторые уникальные памятники; по ц-вам в Тайнинском и Алексеевском следовало бы отметить, что хоры в них были сделаны для царских женщин; на Перерве не указан интереснейший патриарший дом конца XVII в.; в Черемушках дом не „реставрирован“, а капитально переделан арх. Жолтовским и т. д. Иногда сбивчива терминология: почему-то ворота в Измайлове обозначены как „позднее барокко“, т.-е. европейское? или правильно ли утверждение, что „барабан поставлен на кокошники“ (Алексеевское)—вместо „низ барабана украшен кокошниками“ и т. д.

Эти очень незначительные погрешности, конечно, не уменьшают достоинств труда, который, несомненно, хорошо послужит краеведам, историкам искусства и даже просто любознательным туристам; приложенная карта облегчит ориентировку. Можно пожелать скорейшего выпуска дальнейших трудов Комиссии, приступившей к проработке Звенигородского уезда, а также постепенного опубликования более детальных материалов по обследованным памятникам.

Если так много неизведанного дало изучение ближайшей к Москве территории, то сколько неожиданных открытий можно еще сделать в более отдаленных от крупных центров и еще менее затронутых обследованием местностях!

Н. Левинсон.

В. Снегирев. Похождения Бернгарда Шварца (через Московию на Восток), вступ. статья С. Полтавского. М. и Л. ЗИФ. 1928 г. 412 [4] стр. 30 илл., обл. П. Алякринского; тир. 5.000 экз., ц. 2 р. 75 к.

Наша литература не слишком богата произведениями на исторические темы и последние попытки в этой области не блещут ни особыми литературными достоинствами, ни чрезмерной правдоподобностью. „Историческое повествование“ В. Снегирева задается целью воссоздать возможно точную картину жизни середины XVII в., используя преимущественно известные записки Адама Олеария о путешествии в Московию и дополняя их сведениями других иноземных источников; в предисловии автор подробно разъясняет метод своей работы. Повествовательная часть книги заключается в описании походов героя — отважного и ужасно бескорыстного ланскнехта-туриста, но приключенческая сторона почти лишена фабулы, не заслоняет общего историко-бытового фона; при этом описание ведется большей частью под углом зрения иноземцев и из-за этого скользит по поверхности, не вскрывая социальных причин явлений.

Давая несколько растянутую вступительную часть, занимающую свыше 1/4 повести и обрисовывающую состояние германских стран в эпоху 30-ти летней войны, автор особенно подчеркивает чувства, переживаемые иностранцами, отправляющимися в в неведомую, полную экзотической притягательности страну, какой в то время представлялась Московия. И далее, в весьма живом изображении Московской жизни дана картина быта иноземной колонии, в частности тех ремесленников, которые были вызваны для обучения русских разным мастерствам. Изложение ведется живо и только несколько загромождено частыми „рассказами“ действующих лиц, пространно повествующих об исторических событиях и других обстоятельствах, не укладывающихся в фабулу повести; не всегда удачно оттенена разница языка Москвитян и иноземцев, в уста которых иногда вложены слишком русские выражения. Также можно возразить против обилия примечаний, введенных автором для подтверждения его добросовестности в использовании подлинного опубликованного материала, но разрушающих единство изложения и предательски выдающих привлечение разновременных и разнородных сведений — все это можно было бы пояснить в предисловии тем более, что некоторые примечания странным образом расходятся с текстом.

Так, описывая двор торгового гостя Никитникова в Белом городе, автор поясняет, что фактически его двор находился в Китай-городе, в других случаях отмечается, что истинная дата излагаемых событий в действительности относилась к иному времени. Не обошлось и без некоторых недоразумений: хр. Василия Блаж. в сер. XVII в. не был раскрашен „всеми цветами радуги“; длина стен Земляного города была не 35, а 14 верст (первая цифра относится к Камерколлегскому валу); стена Белого городка была не из „белого камня“, а из кирпича; на рис. стр. 194 изображена не „площадь перед Кремлем“, а Болото; едва ли по

Красной площади носились „бесчисленные“ извозчики; место, где стриглись называлось не Вшивый „рынок“, а „ряд“; непонятно, почему Иван Великий возносился как „воплъ отчаяния“; неизвестно, какая предшественница немецкой слободы называлась „Панской“; довольно невразумительны в описании ц. Троицы в Никитниках „пирамидальные крыши из кокошников“ или „фронтоны в мавританском вкусе“ и т. п.

Однако следует признать, что эти в общем несущественные шероховатости вполне естественны при скудости научных опубликований, знакомящих достаточно полно с материальной культурой Старой Москвы надо приветствовать почин автора, сумевшего в увлекательной и в то же время вполне серьезной форме популяризировать сведения, накопленные в „сказаниях“ иностранцев. „Повествование“ дает отличный материал для прогулки по Москве XVII в., тем более, что существующая планировка города, названия местностей и многие памятники архитектуры и поныне те же, что и столетия тому назад.

Книга удачно снабжена репродукциями гравюр из сочинения Олеария и др. современников (только рис. на стр. 68 относится к концу XVIII в.). Совсем неудовлетворительна обложка, в половине рисующая подобие Мусульманской Азии, куда Шварцу, несмотря на беззаветную смелость и неизменную удачливость, так и не пришлось попасть, и не дающая ни малейшего намека на Московию, составляющую центральную часть книги.

Н. Левинсон.

Образцовый лист топографической карты Московской губернии Можайского уезда. Печатано в Карт. Отд. Г.К. ВСНХ—СССР в 1927 г. Издательство МОЗО. Тираж 5000. Цена 50 к.

В конце прошлого 1928 года издательством МОЗО был выпущен в продажу изданный в 1927 г. лист рельефной карты поверхности Бородинской волости Можайского уезда Московской губернии, охватывающий небольшой сравнительно район, расположенный вблизи волостного села названной волости, размерами 5 квадрат. километров. Этот единственно пока изданный „образцовый“ лист — крохотная часть большой и важной работы, проделанной партией специалистов по двум волостям Можайского уезда, — указанной выше Бородинской и Ашеринской в течение летних сезонов 1926—27 и 28 г.г. по указаниям специальной комиссии по выявлению рельефа поверхности нынешней Московской губернии при МОЗО под руководством бывш. старшего геодезиста т. Филоненко. Из подписей справа внизу листа видно, что съемка этого участка волостной карты была произведена с 15 мая по 22 июня 1926 г. т.-е. в первую очередь, В. Домниним. Чертеж выполнен М. Каллей. Масштаб рассматриваемой карты очень

крупный—100 метров в 1 сантиметре. Сечение рельефа дано через каждые 2,5 метра. Над подписью слева внизу листа начальника партии, производившей съемку, помощи. уездного землеустроителя А. П. Масленникова имеется подпись губернского ревизора МОЗО т. Литвака. Работы по съемке, черчению и самому изданию листа карты выполнены прекрасно. Остается только глубоко пожалеть, что этот первый образцовый лист рельефной волостной карты уезда по изданию, кажется, будет единственным. Предстоящее в текущем году районирование Можайского уезда и изменение границ волостей, видимо, заставит МОЗО ограничиться выпуском в свет единственно этого листа. Несомненно почти, что при выборе для издания участка волостной карты доминирующую роль играло, с одной стороны, то обстоятельство, что в этот участок вошел важнейший пункт волости, административный ее центр, село Бородино, а, с другой стороны, на этот выбор, видимо, повлияло и то обстоятельство, что из всей поверхности волости был заснят в первую очередь именно этот участок.

Как я уже говорил выше, МОЗО, очевидно ограничится в настоящее время изданием этого единственного листа волостной карты за изменившимися условиями. Нужно думать, однако, что изданный МОЗО лист карты, несмотря на сравнительно большой тираж издания, найдет быстрый сбыт главным образом среди массы экскурсирующих ежегодно по Бородинскому полю лиц, так как он захватывает один из важных участков знаменитого Бородинского сражения 1812 года. Для последней цели, однако, рассматриваемая работа по изданию МОЗО выполнена вполнину: изданным листом не охвачен не только крайний правый участок боя (северный) с устьем реки Колочи, Старым Селом и русскими батареями у д. Маслово на берегу р. Москвы, но и самый важный участок сражения юго-западный: д. д. Шевардино, Утицы и Семеновская. Теперь, когда набор карт (8 листов) „Топографической съемки окрестностей села Бородино 1839 года“, всего несколько лет назад в большом количестве бывший в продаже, стал библиографической редкостью, доиздание карты Бородинского сражения МОЗО представляется особенно целесообразным и нужным.

Несколько слов теперь о самом изданном МОЗО образцовом листе. В нем есть несколько досаднейших опечаток и искажений в названиях исключительно речек и ручьев, омывающих Бородинское поле. Если съемщиком и были взяты иногда нынешние народные названия, редакции следовало бы в виду их исключительного интереса, дать параллельно с ними в издании и названия старые, знаменательные, исторические. Древний военный плацдарм еще русско-польско-литовских войн, каковым фактически является Бородино, вполне, кажется, заслуживает этого. Каждая чуть-

ли не пядь земли его была известна не только нам, русским, но и иностранцам задолго еще до прославившего его Бородинского боя (см. „Записки“ Ложье, Брандта и др.)—Колоча, Война, Огник, Стонец,— как трудно подчас узнать их в названиях рек и ручьев изданного листа карты!— Колоча (древн. Колотча) напр. превратилась на листе в Колочь, Война в Воинку, Стонец в Стопец, а левый приток Стонца р. Огник неожиданно стал на карте р. Пруд-

ки, очевидно, по старинному названию того оврага, по которому он течет. Эти немногие исправления, впрочем, исчерпывают решительно все погрешности листа карты и отнюдь не умаляют его большого и важного значения в краеведческих целях. Единственным упреком издательству можно поставить сравнительно высокую цену издания—50 коп.

Н. Власьев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Городцев, В. А. Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника МОГЭС	3
Фудель, С. Гжельский керамический район. Впечатления и выводы	9
Смирнов, П. Геоботанические исследования в Коломенском и Серпуховском у.у. Московской губ. в 1927 г. (предварительное сообщение)	23
Мантейфель, П. А. и Фометарек, С. С. Распространение малого подорлика <i>Aquila pomarina</i> Viehm в Московской губ.	34
Хроника.—Отчет о деятельности О-ва изучения Московской губ. с 1/I 1928 г. по 1/I 1929 г.—Годичное собрание О-ва изучения Московской губ.—Шибанов, Н. Зоологические исследования Гос. Музея Ц. П. О. в Моск. губ.—Бадер, О. Раскопки Синьковского городища и Каргашинского селища Дмитр. у., Московск. губ., в августе 1928 г.—Колобов, В. М. 2 выставки-передвижки Звенигородск. Музея (1928/29 г.)	38
Библиография—Рецензии—Ник. Дорогутина, Н. Тихомирова, Н. Шибанова, К. Сперанского, Н. Левинсона, Н. Власьева	56

1973 Н.
Общество Изучения Московской губернии
и
Московское Общество Сельского Хозяйства

Д. П. СЫРЕЙЩИКОВ

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ
РАСТЕНИЙ
МОСКОВСКОЙ ГУБ.

294 стр. с рис. М. 1927 г.

Цена 1 р. 40 к. Оптом 90 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, 9, Тверская, Моссовет, Губплан.

Обществу Изучения Московской губернии.

ИЗДАНИЯ

Общества изучения Московской губернии.

И. А. Здановский.—Каталог рек и озер Московской губ. С прилож. гидрограф. карты (6 лист.), масштаб 6 в. в дюйме. 96 стр. М. 1926 г. Ц. 3 руб.

А. А. Борзов, проф.—Краткая программа для описания рек и речных долин Моск. губ. 16 стр. М. 1926 г. Ц. 40 к.

И. А. Здановский.—Составление географического словаря Московской губ. (программа). 7 стр. М. 1926 г. Ц. 15 коп.

Программы и инструкции по монографическому обследованию деревни. 20 стр. Л. 1927 г. Ц. 25 коп.

Подворная карточка.—14 стр. 20 коп.

М. С. Швецов.—Краткий очерк геологического строения Каширского уезда. 33 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 50 коп.

О. П. Булич.—Коломна, пути исторического развития города. Общий очерк. 94 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. Луцихин.—Программа по обследованию и учету полезных ископаемых. 12 стр. М. 1928 г. Ц. 15 коп.

Н. С. Тюнин.—Краткая программа обследования лесов местного значения. **В. О. Недельский.**—Анкета по учету оврагов, песков. 10 стр. М. 1928 г. Ц. 10 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. I. 74 стр., с рис. М. 1927 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. II. 107 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб.

„**Московский Краевед**“.—Вып. III. 67 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. IV. 79 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. V. 73 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Край в его прошлом**“.—Сб. 128 стр. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. VI. 62 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 к.

„**Московский Краевед**“.—Вып. VII—VIII. Музейный. 181 стр., с рис. М. 1929 г. Ц. 1 руб. 80 к.

„**Московский краевед**“.—Вып. I (9), 63 стр., с рис. М. 1929 г. Ц. 50 коп.

П Е Ч А Т А Е Т С Я:

„**Московский Краевед**“.—Вып. II (10).

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, 9, Моссовет, Губплан, О-во
Изучения Московской губернии. Тел. 5-45-10.

1970 Н.

Цена 50 коп.